

ГЛЕБ ГОЛУБЕВ

ОГОНЬ. ХРАНИТЕЛЬ

(Научно-фантастическая повесть)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ СТРАННЫЕ НАХОДКИ

Сведения, которыми не обладали древние, были очень обширны.

М. Твен

Рассказывает Алеша Скорчинский

Поразительная эта история и без того весьма запутанна, да еще Мишка Званцев настоял, чтобы мы ее рассказывали непременно вот так — попеременно, по главам, дополняя друг друга. Так что лучше уж я вам сразу представлюсь, чтобы не усугублять путаницы. Зовут меня Алексей, фамилия — Скорчинский. Научный сотрудник Института археологии¹.

Рисунки Н. ГРИШИНА

Вот видите, Мишка уже ехидничает и перебивает меня, такой у него характер. Хотя мы договорились не мешать друг другу. Пусть каждый освещает события по-своему и дает свои толкования загадкам и необычным происшествиям, которые нам довелось испытать. Но вмешиваться в чужой рассказ — это уже запрещенный прием, это значит оказывать давление на рассказчика.

¹ Мне кажется, если уж заполнять анкету, то надо это делать по всем правилам: мужской, русский, нет, не был, не имею, немножко английский, холост. (Примечание М. Званцева.)

Ладно, не буду отвлекаться. Итак, обо всем с самого начала.

Я сижу на бугре мягкой земли, только что выброшенной из раскопа, и уныло посматриваю в образовавшуюся глубокою яму. Опять неудача!

Собственно говоря, с точки зрения науки никакой неудачи нет. Мы ведем раскопки древнегреческого городка Уранополиса, существовавшего две с лишним тысячи лет назад здесь, на берегу Крыма. Сегодня расчистили остатки фундамента еще одного дома, в котором двадцать с лишним веков назад жили люди. Вот здесь явно был очаг, возле него вечерами собиралась вся семья, наблюдая, как длинные языки огня лижут старый котелок с бобовой похлебкой, — копать до сих пор сохранилась на камнях, она так прочно въелась, что ее не стерли века.

Самый обыкновенный дом... А чего же я ждал?

Все идет хорошо, все нормально.

Этот последний раскоп позволяет восстановить контуры улицы, по которой бродят мои студенты с рейкой и теодолитом, нанося ее на план.

Постепенно из-под земли проступает план древнего городка. Вот здесь была винодельня: на большой зацементированной чуть покатою площадке рабы ногами давили спелый виноград, и алый сок стекал по желобкам в три больших резервуара. А в этих глубоких цистернах, вырубленных прямо в скале неподалеку от берега моря и так же тщательно зацементированных, несомненно, солили рыбу. Она служила важным предметом экспорта: уже в те времена даже в далеких Афинах славилась истекающая жиром керченская селедка.

За два года раскопок мы добыли из-под земли столько любопытных вещей, что зимой, когда прерываются полевые работы, никак не успеваем их разбирать и описывать. Ящиками с нашими коллекциями заставлены до самого потолка две комнаты в институте. Пора писать диссертацию...

Почему же я не радуюсь?

Скажу честно: все эти осколки амфор, остатки фундаментов и крепостных стен, детские игрушки, выброшенные много веков назад на свалку, находят при раскопках любого древнегреческого города. А я жду чего-нибудь необыкновенного. Чего — пока еще не знаю сам.

Правда, нам выпала редкая удача — восстановить по находкам в малейших деталях, как погиб в огне этот город две тысячи лет назад от набега воинственных скифов.

Но и в этом нет ничего необычного. Такие схватки происходили тогда очень часто. Все города и поселения греческих пришельцев на берегах Черного моря находились под постоянной угрозой нападения скифов, тавров, синдов или других местных племен, окружавших их со всех сторон, прижимавших к морю, — Платон насмешливо сравнивает эти полисы с лягушками, усевшимися по берегам громадной лужи.

Среди эпитафий на мраморных плитах, которые мы находили, раскапывая некрополь — древнее кладбище на окраине города, то и дело попадалось:

«Лисимах, сын Психариона, прощай! Лисимаха, в обращении ко всем гражданам и чужестранцам ласкового, убил бурный Арей номадов. Всякий жалобно восстал по нем, умершем, сожалея цветущий возраст мужа...»

«Филотт, сын Мирмека, наткнулся на страшное варварское копье...»

И, как печальный припев, в конце каждой надгробной надписи повторяется одно слово: «хайре» — «прощай».

Почему же я все-таки жду от раскопок чего-то необычайного? Какие загадки меня беспокоят?

Прежде всего: почему город назывался Уранополисом? В переводе это означает — «Город неба».

Сегодня мы опять нашли древнюю монету, оброненную кем-то из горожан на улице две тысячи лет назад. Обыкновенная монета, медная, величиной с нашу трехкопеечную. Греки называли ее гемидиоболом — половинкой обола. Она почти не стертая, можно хорошо рассмотреть все, что на ней изображено. А изображены на монете бог врачевания Асклепий, опирающийся на свой традиционный жертвенный треножник, вокруг которого обвилась змея, и справа от головы бога — несколько звездочек в лучах солнца. Вдоль ободка монеты мелкими буквами написано по-гречески: «Слава Ураниду и Аглотелу».

Для несведущего монета как монета, отличное украшение любой нумизматической коллекции. А для меня, уже третий год раскапывающего этот древний городок, она — сплошная загадка.

Изображения различных богов обычны для греческих монет того времени, причем для каждого города — свои, излюбленные. В Херсонесе на монетах обычно чеканили голову богини Девы, считавшейся покровительницей этого города. На пантикапейских монетах часто встречаются изображения какого-то бородатого божка с длинными козлиными ушами — нечто вроде мифического Сатира. Попадаются на монетах фигуры Геракла, богини победы Ники, нимф, изображения львов, лошадей, бодающихся быков, дельфинов и осетров. Но вот бога Асклепия, насколько мне известно, ни в одном городе так не почитали, чтобы украшать его изображением монеты.

И совсем уже непонятно, почему бог врачевания, не имеющий никакого отношения к астрономии, изображен в окружении каких-то звезд. Не проясняет загадки, а только еще больше запутывает дело и лаконичная надпись на монете. Аглотел — имя типично греческое, а Уранид в переводе означает — «сын неба». Совсем необычно для нормального имени, скорее какой-то своеобразный псевдоним.

Кто были эти Аглотел и Уранид? За что они удостоились такой чести, чтобы ради них специально чеканили монету? Мы нашли за три года уже несколько таких монет: и грошовые медные гемидиоболы и более ценные драхмы (ценные, конечно, с точки зрения людей тех времен, для нас-то те-

перь любая древняя монета одинаково ценна), нашли даже один увесистый статер — целое состояние по тем временам. И на всех монетах одинаковые рисунки, те же загадочные имена. И, главное, все монеты совсем не стертые, только что из-под чекана. Значит, они были выпущены в ознаменование одного и того же события.

А событие это, о котором я после долгих розысков, перерыв целую гору исторических источников, нашел всего одно коротенькое упоминание, тоже было совершенно загадочным и непонятным.

Город был основан еще в V веке до нашей эры милетскими купцами, которых за непоседливость прозвали «вечными мореплавателями», и назывался сначала не Уранополисом, а Гераклеей. Все ясно и понятно: в честь известного мифологического героя, никаких загадок.

Почему же вдруг в 63 году до нашей эры, всего за несколько месяцев до своей гибели в огне пожарниц, он вдруг объявил себя «Небесным геродом»?!

Вероятно, такое важное событие — перемена названия города — было отмечено, как это полагалось у древних греков, специальной памятной надписью на мраморной стеле. Если бы ее найти! Тогда бы мы сразу все узнали. Но где она, эта стела? Может быть, покоится в земле под фундаментом одного из санаториев? Или уже давно выкопана каким-нибудь предприимчивым местным жителем и, разбитая на куски, замурована в стену вот этого чисто побеленного домика, заштукатурена, скрыта от моих глаз, — многие дома здесь построены из обломков древних зданий.

Нет, надеяться найти чудом сохранившуюся стелу с подробной памятной надписью или тем более какой-нибудь исторический документ, которые сразу бы разъяснили все загадки, не приходится. Остается одно: пытаться восстановить истину по крупнякам, по разбитым черепкам и обуглившимся обломкам, как это обычно приходится делать нам, археологам.

И вот я сижу на холме свежевырытой земли, верчу в руках найденную монету, снова и снова рассматриваю изображение бога Асклепия с венком из звездочек над головой и тщетно пытаюсь что-нибудь понять.

Если бы она могла говорить!

Разве возможно по черепкам восстановить психологию Одиссея или Ахилла? Эти герои далекой древности так и остались бы нам неизвестными, не воспой их в свое время Гомер. Но мой городок — не Троя, и у него не было своего Гомера.

— О distinguished кандидат могильных наук, могу ли рассчитывать на ваше просвещенное внимание? — обрывает мой размышления знакомый насмешливый голос.

Я вскакиваю. Рыхлая земля начинает ползти из-под моих ног, и я едва не сваливаюсь в яму.

Так и есть, Мишка Званцев собственной долговязой персоной! Все-таки приехал в отпуск, как обещал. Он вовремя заключает меня в свои железные объятия и не дает свалиться в раскоп.

- Здорово, старин!
- Наконец-то выбрался!
- Ну, докопался до центра земли?
- Как я рад тебя видеть, чертушка!
- Что за выражения, маэстро!

После этих бессвязных приветствий мы снова крепко обнимаемся, похлопывая друг друга по спине.

— Ну, а теперь в море, — орет Мишка, размахивая выхваченными из кармана плавками. — Дайте мне море, я его переплыву!

— Понимаешь, до обеденного перерыва еще час, — нерешительно отвечаю я.

— Что? Ты хочешь уверить меня, что вы соблюдаете здесь какой-то табельный режим и, пачкаясь в земле у самого синего моря, купаетесь только после работы?

Вот всегда так. Почему-то все считают, будто в Крыму можно только отдыхать, а работать тут невысказанно. Стоит только сказать, что едешь на раскопки в Крым, как на лицах попутчиков в поезде моментально появляются понимающие двусмысленные улыбки.

— Да, мы здесь работаем даже сверхурочно и умываемся только в свободное от работы время, — твердо говорю я. — Так что можешь один отправляться на пляж, если не хочешь меня подождать.

Мишка хмыкнул, но, кажется, все-таки мне не поверил.

2

Слово Михаилу Званцеву

И вы представляете, они действительно соблюдают табель, эти гробокопатели! Роются в земле на берегу моря и даже не оглядываются на его голубые просторы, которые так и манят каждого здравомыслящего человека уплыть в неведомые края. И самый негибкий из них, конечно, маэстро А. Н. Скорчинский — просто железный, как кровать. Быть ему профессором, в этом я теперь ни капельки не сомневаюсь.

Красивый и чистенький курортный городок, притиснутый подковой гор к самому морю. Рядом Ялта, Мисхор, Алувка, переполненные отдыхающими. Белые дворцы санаториев, фонтаны, асфальтовые дорожки, с которых дворники немедленно сметают малейшую соринку, благоухающий смолистым ароматом парк у самого моря. Всюду красота и порядок. И только эти ученые кроты портят всю картину. Нарыли повсюду глубоких ям, извлекли из-под земли какие-то грязные камни — и радуются.

— Вот здесь была улица, — торжественно объясняет мне Алешка. — Видишь, даже каменные плитки положены в определенных местах, чтобы можно было переходить ее в сырую погоду. Жаль только, не дают раскопать дальше, там санаторий. Помехи на каждом шагу.

Я спотыкаюсь о камень и едва не проваливаюсь в ка-

кую-то глубокую дыру, зияющую прямо посреди их древней улицы.

— Черт! Почему не закопаете? Так и шею свернуть можно.

— Осторожно, не повреди облицовку, — слышу я от него вместо сочувствия. — Это колодец.

— Древний?

— Вероятно, еще четвертого века до нашей эры.

Я заглядываю в дыру. На дне ее, где-то глубоко внизу, смутно мерцает вода.

— И вода сохранилась? — удивляюсь я. — С четвертого века до нашей эры?

— Да нет, что ты мелешь! Натекла сюда после вчерашнего дождя...

— Тем более, чего же вы его не закопаете? Ну, обнаружили, посмотрели, сняли там схемку. Не оставлять же этот никому не нужный теперь колодец еще на тысячу лет!

Он смотрит на меня как на безнадежного шизофреника. Но, по-моему, это они все сумасшедшие, тронутые какие-то.

Утром спросишь кого-нибудь:

— Где Алеша, что-то его не видно?

— Алексей Николаевич? Он в Пантикапей уехал...

А этого Пантикапея ни на одной карте не найдешь, кроме как в учебнике по древней истории. Он уже не существует добрых двадцать веков. Но для них Керчь — все еще древний Пантикапей. Фанатики! Страшные люди!

Но я-то, я-то, многострадальный, чем виноват? В кои-то веки вырвал у начальства давным-давно положенный отпуск, примчался на этот благословенный берег — и что же? Тоже должен землю носом рыть? Или ножичком скрести затаив дыханье?

Меня всегда умиляет, какими орудиями раскапывают зловещие тайны истории эти мудрецы. Весь мир уже вгрызается в недра земли направленными кумулятивными взрывами или, на худой конец, шагающими экскаваторами с ковшом кубиков в двадцать пять. А они — ножичком, ножичком... Самым обыкновенным, вульгарным кухонным ножом, который можно купить в каждой хозяйственной лавке. Или еще того чище — ковыряют землю шилом, ланцетиком, иголкой швейной, натуральной. Да и это у них считается слишком грубым инструментом. Если выпарапают из-под земли кусочек древнего ночного сосуда, то тут уж пускают в ход более тонкий и нежный инструментарий: осторожноенько счищают серую пыль сапожной щеточкой, веничком или кисточкой для бритвы. А один у них, дошлый парень, Алик Рогов, ростом повыше меня и сложения подходящего, так тот додумался пыль сдувать... детской резиновой клизмочкой. Он у них теперь гордо в новаторах ходит: обогатил науку новейшим орудием исследования.

И это в Век Атома и Кибернетики!

А самое забавное: копаются они так часами в земле под жарким солнцем, ковыряют землю иголкой, сдувают пыль новаторской клизмочкой — и что же находят? Сокровища

Монтесумы? Копи царя Соломона? Ну, хотя бы новую научную истину?

Нет. Просто осколок глиняного горшка, выброшенного на свалку какой-то домашней хозяйкой двадцать веков назад.

И, несмотря на это, мой несгибаемый Лешка целыми днями упорно торчит на своих раскопках, подавая личный пример всей братии.

Первые дни я его еще, правда, соблазнял на прогулки, да что толку? Пойдешь с ним по городу в обеденный перерыв, он тут же затаскивает тебя в какой-то двор, не спросив хозяев, и тычет носом в расколотую мраморную плиту. А на ней едва можно различить изображение человека, играющего на трубе, и какую-то греческую абракадабру.

— Редкая находка. Надгробие трубача...

Однако даже такие познавательные-образовательные экскурсии скоро кончились. Алешка быстро посчитал свой долг гостеприимного хозяина до конца выполненным и бросил меня на произвол судьбы, все глубже зарываясь в землю. Мне грозила горькая участь бродить по окрестным горам в одиночестве, постепенно дичая на манер древних тавров.

Пробовал подговорить на прогулки Тамару — есть у них в экспедиции такая бойкая смугляночка, — тоже ничего не вышло. Так бы и пропал во цвете лет, если бы не сколотил на пляже компанию: хорошие ребята из Москвы и Ленинграда да две подружки — студентки из Днепропетровска.

Теперь мы так проводили время: они копались, а мы купались. Пусть нам будет хуже!

А виделись с Алешкой только в обед да вечерами.

Вечерять с этими земляными кротами было весело. Во дворе маленького домика на окраине, где у них была база, каждый вечер разводили большой костер. Все усаживались вокруг на перевернутых ящиках, на опустошенных за ужином ведрах, которые этой ораве заменяли столовую посуду, а кто и прямо растягивался на теплой земле, и начинались байки и хохмочки. Народ подобрался все молодой, зубастый, скучать не приходилось.

Я, признаться, их все время подзуживал, кощунственно называя археологию «самой точной из всех неточных наук», постоянно вызывая на спор. А они с пеной на губах отстаивали свои «выдающиеся исторические открытия», хотя, по-моему, не очень убедительно. Все же, что ни говори, мы живем в век физики, техники, кибернетики, и, конечно, все ребята с головой на плечах идут именно в эти отрасли науки. А уж археологией или там литературой занимаются неудачники или одержимые вроде моего корешка Алешки.

Во время одного из таких споров у костра он не выдержал и сплел весьма увлекательную и фантастическую историю о гибели этого самого Уранополиса, остатки которого они по черепушечке выкапывали иголками да ножичками из-под земли.

— Слушай, ты, кибернетический скептик! — набросился он на меня. Видно, до нутра я его в тот вечер проврал

своими каверзными вопросами. — Значит, по-твоему, мы занимаемся пустым делом? А хочешь, я тебе по этим самым «черепкам», как ты неуважительно называешь бесценные памятники древней материальной культуры, — хочешь, я тебе по ним точную картину одной давней трагической ночи восстановлю во всех деталях?

— По методу достопочтенного Шерлока Холмса, маэстро?

— А хотя бы. Только смотри: будешь перебивать своими плоскими шуточками — убью!

— А мы поддержим! — с готовностью загалдели на все голоса его архаровцы-гробокопатели. — Растерзаем!

Они демонстративно уселись вокруг меня, чтобы отрезать все пути к отступлению. Тамара даже взяла в руки вилку. Что мне оставалось еще, как не стать послушным?

Но сидеть тихо стоило и без принуждения. Я давно знал, каким интересным рассказчиком бывает Алешка, когда в ударе. А в этот вечер его явно осенило благодатное вдохновение.

— Так слушай, ты, принудительно обученный! — начал он, встав у костра в торжественной позе жреца, раздающего благословения.

— Только без цитат! Если своих острог нет, то не воруй их у Бернарда Шоу... Давай своими словами.

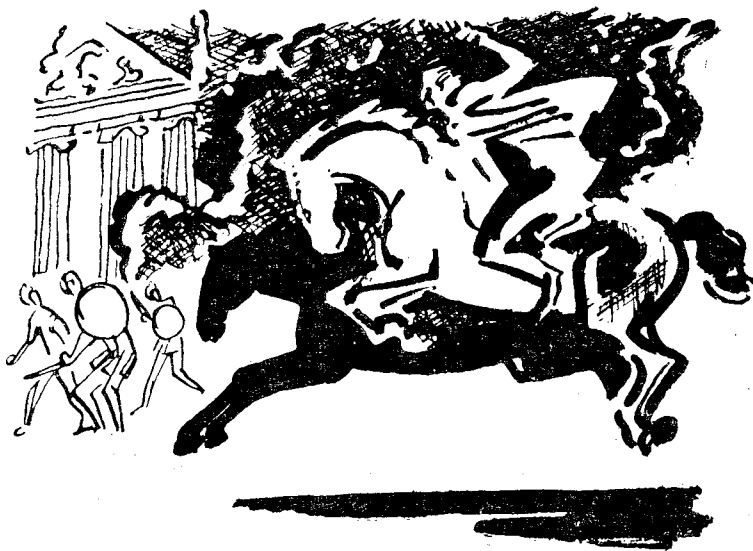
Алешка попытался испепелить меня взглядом, а этот долговязый очкарик Алик Рогов в когда-то клетчатой рубашке, выгоревшей и весьма рваной, свирепо ткнул меня в бок.

— Своими словами? Ладно. Представим себе — кто имеет хоть каплю воображения, конечно, — темную ночь в конце августа шестьдесят третьего года до нашей эры. Тогда не было ни этой танцплощадки, откуда к нам доносятся столь музыкальные звуки фокса «Ямайка», ни асфальтовых дорожек, ни этого маяка на скале, то и дело посылающего в море призывный сверкающий луч... Тьма упала на узкие улочки Уранополиса, приютившегося в ложбине меж гор под защитой крепостных стен. Дневная жара спала. Гасли светильники в домах. Укладывались спать усталые ремесленники. Только рабы еще заканчивали работы, для которых не хватило дня. Но на то они и рабы, чтобы трудиться без отдыха и сна...

«А у нас на то и уши, чтобы слушать эти хрестоматийные сказочки для детей младшего школьного возраста...» — хотел вставить я, но, покосившись на вилку в загорелых руках Тамары, прсмолчал. Она девушка решительная.

— Итак, наступила ночь. В богатом доме, в зале, украшенном цветной мозаикой и мраморными фигурами грифонов, раб скатал ковровую дорожку, тянувшуюся от самой двери, и поставил тяжелый сверток у мраморного порога: у него уже не было сил выбивать ее сегодня, и он решил встать для этого пораньше, до зари. В соседней комнате другой раб, писец, пристроив на коленях дощечку с натянутым на нее папирусом, вывел последние строки отчета о сделанных за день покупках, чтобы отчитаться утром пе-

ред хозяином. В караульной будке у ворот старый привратник Сириск перед сном увлекся своей любимой забавой, которой стеснялся заниматься днем, на людях: из блестящего желтоватого оленьего рога он любовно вырезал острой пилкой крошечные фигурки причудливых зверей — дикой лесной кошки, легконогого тура, белки с пушистым хвостом...

Все притихли. Только потрескивал костер, рыжими космами языков облизывая черное небо, нависшее над нами.

— Еще пылало жаркое пламя в горне тесной и грязной мастерской оружейника, прилепившейся на обрыве над самым морем возле стен крепости. Мастер в этот поздний час заканчивал большой щит из электрона, украшенный изображениями быков и оленей. Он рассматривал его при неверном, угасающем свете и все никак не мог налюбоваться на свою превосходную работу. Если бы он знал в тот момент, что его щитом так и не удастся воспользоваться никому из воинов, расхаживающих с острыми копьями в руках по тропинке на вершине крепостных стен и тревожно всматривающихся в ночную тьму!.. Усталая жена оружейника засыпала зерна на завтра в большую каменную ступку. Надо было провеять его заранее, да не успела дотемна, придется раньше вставать. И она с досадой бросила на глиняный пол возле очага деревянный совок. Если бы она знала в этот момент, что утром будет уже поздно взять его в руки!.. Мы осторожно выкопаем этот совок из праха только двадцать веков спустя. Засыпает маленький город, приотлившийся среди крымских скал на чужом берегу, далеко от родной Эллады. Ночь и тишина, только время от времени протяжно перекликаются стражники на крепостных стенах. А по скалам, окружившим город и крепость, прикрытая ночным мраком, по-змеиному коварно и бесшумно подкрадывается беда...

— А кошка, Алексей Николаевич? Вы забыли про кошку! — перебила Тамара, нарушив все очарование сказки.

— В самом деле, про кошку-то я забыл. Итак, все утихло в крепости. И тогда в громадном погребе, где хранились пузатые глиняные пифосы с отличным крымским вином, вышла на охоту кошка. Мерцающая зелеными глазами, она тихо кралась между пифосами. И вдруг увидела мышку! Кошка метнулась к ней, а мышь, пытаясь спастись, прыгнула на крышку пифоса! Он был пуст, время сбора винограда еще не наступило, и мышь провалилась в глубокий глиняный сосуд с отвесными гладкими стенками. Через мгновение туда же рухнула и кошка, не рассчитавшая своих движений в азарте ночной охоты. Теперь ей было уже не до мышки... Им не выбраться из каменного плена: через полчаса прозвучит над горами условный трубный звук, со всех сторон на город бросятся подкрававшиеся в темноте вражеские воины, запылают хижины, закричат люди, и пламя охватит крепость...

Алексей замолчал, и все молчали. Костер, в который забыли подбрасывать хворосту, догорал, и угли в нем жарко

рдели, словно и впрямь остатки какого-то пепелища. А тьма, обступившая нас, казалась тревожной, угрожающей, полной каких-то подкрадывающихся теней и непонятных шорохов.

Умеет он все-таки задурить голову своими рассказами!

— Особенно ловко у тебя получилось с кошкой, — как можно снисходительнее сказал я, прогоняя колдовскую тишину. — Стоит она у меня перед глазами, ну, прямо как живая. И кошка и мышка... Завидная у вас все-таки профессия, братцы гробокопатели. Пожалуй, не уступает астроботанике. Пойди там проверь, что растет на Марсе или как кошка ловила мышку две тысячи лет назад! Любимая профессия барона Мюнхгаузена...

На меня сразу бросились с негодующими воплями с двух сторон. Но я был готов к нападению этих землеройных фанатиков.

Я вскочил, вырвался из их рук и одним прыжком перемаяхнул через костер, запорошив, наверное, глаза преследователей тучей пепла. А потом, как олень, помчался по тропинке в гору, стараясь не зацепиться за что-нибудь в темноте и не сломать себе шею.

Они было погнались за мной, но скоро отстали. Тогда я свернул с тропинки и залег под кустом можжевельника.

Ночь была такой теплой, душистой, так ярко сверкали звезды, что я довольно долго пролежал под своим кустом, бездумно следя за лучом маяка, равномерно описывавшим круги в небе над моей головой. Наверное, я даже задремал ненароком, потому что, когда вернулся в лагерь, все уже спали.

Я тихонько прокрался в угол двора и пристроился на кошме рядом с Алешкой.

Он не спал и тут же зажал мне мертвой хваткой горло.

— Сдаюсь! — прохрипел я, покорно поднимая руки. — И признаю, что давно не слышал таких занимательных сказок. — Какое тонкое мастерство деталей: кошки, мышки, деревянный совочек, небрежно брошенный возле очага... Тебе исторические романы надо писать, а не рыться в земле, как крот, закапывая свой талант.

— Пошел ты к черту, балаболка несчастная! — обиженно сказал он. — По-твоему, все это сказочки, игра фантазии. А я могу голову дать на отсечение, что все так именно и было в ту ночь.

— Конечно. И главное, как удобно сочинять: пойдя проверить, что в самом деле случилось в одну чудесную августовскую ночь две тысячи лет назад!

— А если я тебе докажу достоверность каждой детали?

— Попробуй. Начни хотя бы с того, что это была именно ночь, да к тому же непременно августовская.

— Пустяк. Кто же, по-твоему, врасплох нападет днем на укрепленную крепость? Конечно, это было сделано ночью, когда все спали, кроме горсточки часовых.

— Ладно, а почему августовская?

— Потому что в обуглившихся развалинах одного из домов мы нашли скелет коровы. А у нее в желудке — арбузные семечки, травинки и даже целый непереваренный цве-

ток, какие и до сих пор растут на горных склонах именно в конце лета, в августе.

Это становилось уже интересным, и я подвинулся поближе.

— А история с уставшей женщиной?

— Тоже не выдумана. Среди осколков ступки мы нашли обуглившиеся пшеничные зерна. И совок действительно лежал возле остатков очага, так что его явно тут бросили, не прибрав на место. И совсем законченный щит нашли в развалинах мастерской оружейника и ковровую дорожку под обломками дома.

— Так, — задумчиво протянул я. — Выходит все совершенно логично, хотя и смахивает на рассказы о проницательном Шерлоке Холмсе.

— А что же, он, по-твоему, свои догадки с потолка брал? Обычный дедуктивный метод.

И знаете, что в заключение разговора сказал мне, сладко потянувшись, этот сумасшедший?

— Эх, если бы перенести отсюда современные дома, все эти хибарки и санатории! Вот тогда бы мы покопались!..

— Спи, фанатик, — ответил ему я.

3

Рассказывает Алексей Снорчинский

Легко сказать — спи, когда мысли так и скачут в голове. Чудак Мишка! Продемонстрировал ему самый обычный пример восстановления картины прошлого по элементарным археологическим находкам, и ему это кажется чуть ли не чудом. А нам все время приходится вот так, по крупицам, восстанавливать истину. Обуглившиеся зерна, осколки посуды, случайно оброненная тысячи лет назад детская игрушка... Разве тут можно обойтись без воображения и без трезвой железной логики?

А вот когда нет никаких опорных точек, никаких находок, за которые можно было бы уцепиться, как быть тогда? Легко восстановить даже в деталях гибель города. Но почему он вдруг стал Уранополисом? Кто мне объяснит?

А утром мы натолкнулись еще на одну загадку.

Дня за два до этого я перебросил большинство своих ребят на раскопку здания, которое, по моим предположениям, должно было служить храмом. Конечно, от него ничего не сохранилось, кроме фундамента. Но оставшиеся в земле базы пяти колонн перед фасадом — доказательство, что это здание явно имело какое-то общественное значение, скорее всего связанное с героизацией или обожествлением. Об устройстве храмовых зданий в греческих городах Крыма известно пока маловато, так что я и решил особое внимание уделить именно этому объекту.

Предупредив всех об особой важности работы, я сам внимательно следил за ходом раскопок на каждом из трех участков, выбранных так, чтобы вскрыть сразу возможно большую площадь. Хотя храм, конечно, был полностью разграб-

лен нападавшими в ту трагическую ночь и, вероятно, сгорел дотла, может, думал я, удастся обнаружить какие-нибудь уцелевшие предметы утвари или даже обломки статуй, которыми обычно украшали подобные здания.

Пока мои надежды не оправдались. Вырастали груды просеянной сквозь частые сетки земли, густо перемешанной с пеплом, но, кроме строительного мусора и совершенно бесформенных и обуглившихся кусочков дерева, ничего интересного не попадалось. Правда, часто встречавшиеся обожженные осколки соленов — так греки называли большие плитки черепицы — подтверждали, что здание было богатым и нарядным.

И вдруг меня окликнула Тамара:

— Алексей Николаевич, тут какая-то железная пластинка и на ней, по-моему, буквы...

Я поспешил к ней. Действительно, на ее перепачканной землею ладони лежала небольшая металлическая пластинка.

— Зачем вы ее выкапывали без меня?

— Да она сама вышла из земли. Только притрунулась пинцетом, она и вывалилась.

— И что это за выражение — «какая-то пластинка»? Даже отличить железо от меди не можете...

— Ладно, Алексей Николаевич, не ворчите. Теперь-то я и сама вижу, что она медная, когда вы ее от грязи очистили. А что это такое?

Но я уже не слушал ее, усевшись на землю и перерисовывая в полевой дневник находку. Это стало у меня условным рефлексом: немедленно браться за блокнот — мало ли что может случиться с находкой?

Тонкая медная пластинка служила свидетельством о проксении. Так называли греки право гостеприимства и защиты интересов иностранцев на территории своих полисов — нечто вроде современной «визы на въезд», что ли. Я тут же набросал в блокноте беглый перевод надписи на пластинке:

«Проксения Уранида.

Совет и народ дал. Феотим Антигон, сын Автея, и Аглотел, жрец, сын Никагора, сказали: дать Ураниду проксению и гражданство самому и роду его и право въезда и выезда им самим и имуществу их в военное и мирное время».

Опять те же имена! Кое-что теперь проясняется: Аглотел был жрецом, возможно даже в этом самом храме. Значит, пошли по верному следу. А загадочный Уранид — иностранец, которому за какие-то заслуги народное собрание города по предложению Феотима Антигона и жреца Аглотела решило дать эту проксению и права гражданства.

За что? За те же услуги, которые отмечены чеканкой монет с именами Аглотела и Уранида? Но что они совершили, чтобы удостоиться такой чести? И кто был этот Уранид, из каких краев прибыл он в город, где его родина? Вероятно, у него было какое-то другое имя, но здесь, в греческом городе, его почему-то заменили этим странным псевдонимом — Уранид. Или его настоящее имя просто казалось грекам слишком трудным для произношения, «варварским»?

Есть над чем призадуматься...

Мишке, конечно, опять повод для шуточек:

— Как в переводе звучит твой Уранид? Сын неба? Так чего же тут голову ломать? Объяви его попросту пришельцем с какой-нибудь планеты, желательно — подальше от Земли, перевернувшим по своему хотению всю жизнь греческого городка. Такие гипотезы сейчас в моде...

Да, искать повсюду, где есть археологические загадки, следы космических пришельцев стало в последнее время модой. Поражает своими размерами древняя Баальбекская веранда в пустыне — значит, построили ее гости из космоса, не иначе. Изображения древних богов «вроде как в скафандрах» на скалах Сахары объявляются портретами марсиан. Забавный, однако, метод — подменять одни загадки другими, еще более запутанными...

Особенно смешно слушать все эти рассуждения о древних цивилизациях, якобы основанных небесными гостями, а потом по каким-то причинам захиревших, погибших, нам, археологам.

Одно поколение за другим, слой за слоем оставляли в земле следы своей жизни. Вот что интересно: если в глубокой древности в каком-нибудь удобном месте возникало человеческое поселение, то и последующие поколения старались селиться тут же. Эта приверженность к обжитому месту даже получила в науке специальное название: закон постоянства поселений. Так что с течением времени в некоторых местах эти культурные слои, как мы их называем, образуют наросты до сорока метров!

Такие земляные «слоеные пироги» неопровержимо и наглядно показывают, как постепенно развивалась цивилизация на нашей планете — от древнейших стоянок первобытных охотников до громадных современных городов. Чтобы нас, археологов, убедить в каких-нибудь необычных скачках в истории развития человечества под влиянием мудрых космических пришельцев, нужны доводы посерьезнее, чем Баальбекская веранда, служившая якобы космодромом, или воображаемая гибель библейских городов Содомы и Гоморры в огне атомной войны...

Слабость аргументации нагляднее всего показывает шаткость всех этих «космических гипотез». Совокупности доказательств нет. Берется один какой-нибудь факт, а вокруг него накручивается масса всяких «догадок» и «предположений». Или просто сторонники таких гипотез пытаются доказывать справедливость своих предположений, так сказать, «от противного»: загадочно, пока необъяснимо какое-нибудь историческое явление — значит, оно неземного происхождения, ищи разгадку в космосе.

Наши загадки земные, но гораздо непонятнее и таинственнее.

Мишке легко. Он здесь в отпуске, все заботы оставил дома. Целые дни напролет ныряет в море, как дельфин. На некоторых моих ребят он, кажется, начинает действовать разлагающе. Вчера двоих я поймал при попытке среди белого дня улизнуть из раскопа к морю — якобы умыться,

А через два дня мой друг внес новый раскол в наши крепкие исследовательские ряды. Со своими новыми дружками он обнаружил какую-то пещеру неподалеку от берега и так вдохновенно расписывал ее вечером у костра, что многие из ребят захотели тоже туда заглянуть, в эту проклятую пещеру. Пришлось выделить им выходной день, которых, кстати, у нас уже давненько не было. Я, признаться, занимал выходные под разными предлогами, стараясь побольше раскопать за короткий летний сезон. Но теперь пришлось официально объявить ближайшее воскресенье нерабочим днем.

Раздосадованный, сам я не хотел ни в коем случае лезть с ними в эту злополучную пещеру. Но потом подумал, что глупо одному торчать в этот день в раскопе — от того же Мишки насмешек не оберешься. Да и в пещере могли сохраниться какие-нибудь следы стоянки или просто временного пребывания первобытных людей, как и во многих других подземельях Крыма. Хотя первобытное общество и не моя специальность, стоило проследить, чтобы следы пещерной культуры не повредили по неосторожности, если их удастся обнаружить.

А потом в конце концов — хотя я в этом и не хотел признаться самому себе — нужно было и мне немного проветрить голову от назойливых мыслей, рассеяться, переключиться на что-нибудь далекое от загадок моего Уранополиса.

Отправились мы в пещеру рано утром, запасшись, как полагается, фонарями, свечками, веревками. Тут совершенно неожиданно оказалось, что мой ближайший помощник из студентов, Алик Рогов, давно увлекается спелеологией и облазил немало пещер в Подмоскowie и на Кавказе. Так что я ему поручил все руководство этим «подземным пикником».

До пещеры оказалось с полкилометра. Вход в нее прятался в густых зарослях кустарника. Прямой служил белый известковый камень, оставленный здесь Михаилом.

Из тесного входа тянуло сырым холодком. Свет наших фонариков проникал туда всего метра на три, не больше. Дальше все пряталось в темноте.

— Да, клаустрофобией из вас никто не страдает? — вдруг спросил Алик.

— Чем, чем?

— Ну, клаустрофобией... Боязнью закрытого пространства. Есть такая болезнь. Смотрите, а то под землей плохо придется.

Мы переглянулись. Ничего себе, приятное напутствие!..

Гуськом, подталкивая друг друга, мы начали, пригнувшись, спускаться по пологому тоннелю. Чуть забудешься и неосторожно поднимешь голову, как больно стукнешься о мокрые выступы скалы.

Но вот ход немного расширился, можно было выпрямиться во весь рост. Подняв над головой фонарики и свечи, мы осмотрелись. В небольшом гроте смутно белели глыбы известняка в желтоватых грязных потеках. Одна из них преграждала дальнейший путь. Лишь с трудом, бочком, уда-

лось протиснуться в узкую щель между этой глыбой и мокрой стеной пещеры.

Я впервые забирался под землю и, признаться, чувствовал себя не очень уютно. Да и все притихли, переклинулись почему-то шепотом, девчата жались друг к другу.

Наши громадные уродливые тени плясали и дергались по стенам пещеры, а порой, при резком повороте, словно бросались нам навстречу, заставляя девчат испуганно взвизгивать. Под ногами хлюпала холодная грязь. Она налипала на ботинки, идти с каждым шагом становилось все труднее. Я проклинал себя: завтра наверняка многие схватят насморк, раскиснут и будут работать, словно сонные мухи.

Идущие впереди Алик Рогов и Михаил вдруг так резко останавливаются, что мы тычемся в их спины.

— Что такое?

— Чего встали?

— Там снежный человек, уа!

Тихо! — зычно провозглашает Михаил. — Впереди — распустье, как в сказке. Три лазейки. Требуется отгадать, какая из них нам больше подходит. Совецание витязей считая открытым.

В самом деле: дальше тоннель разделяется на три рукава. По какому из них идти? Конечно, сразу начинаются споры:

— Давайте направо, там пролезть легче.

— Нет, надо налево...

— Пусть Алик решает.

Алик присаживается на корточки и колдует со свечой, то опуская ее к самому полу пещеры, то приподнимая повыше. Тоненький язычок пламени беспорядочно дергается и трепещет.

— По-моему, следует повернуть направо, — не очень решительно говорит, наконец, Алик. — Оттуда сильнее тяга воздуха, возможно, там выход.

Вслед за Аликом мы один за другим лезем дальше. В душе я надеюсь, что и этот ход окажется ложным или непроходимым, тогда можно будет с чистой совестью предложить всем возвращаться обратно. Но узкий лаз опять расширяется, уже можно выпрямиться, не рискуя набить на лбу шишку о сталактиты. Придется лезть дальше.

Снова под ногами хлюпает грязь. Становится труднее дышать. Низкий свод пещеры давит, заставляет все время непроизвольно втягивать голову в плечи. Или это у меня начинается приступ той самой клаустрофобии, которой пугал нас Алик?

Впереди неожиданно раздается плеск воды и вскрик Алика. Все опять останавливаются, наткнувшись на спины друг друга.

— Осторожно, впереди вода! — предупреждает Алик. — Я не заметил и влопался.

— Промочил ноги?

— Да я их давно промочил, уже высыхать стали. А теперь снова.

Осторожно, придерживаясь друг за друга, мы собираемся

возле Алика. Кто-то из девчат все-таки тоже попадает в воду, извещая об этом всех громким взвизгом. А вода и вправду совсем не заметна. Только когда наклониться со свечой, становится видно, как отражается в зеркальной черной глади трепещущий язычок пламени.

Коридор тут расширяется, образуя небольшой зал. Но дальше дороги нет. Весь зал занимает подземное озеро.

Мишка разочарованно крикает, а я рад, что наш подземный поход, кажется, кончен.

— А вот автограф пещерного человека! — торжественно провозглашает Михаил, попытавшийся все-таки пробраться еще немножко дальше по узкой кромке берега.

При свете нескольких поднесенных свечей на мокрой стене сияет надпись корявыми белыми буквами:

«Вася Хариков и Паша Буравко были здесь 10.07.62 года. И вам того желаем!»

— Ладно, давайте двигаться назад, — сказал я. — Или кто-нибудь тоже хочет оставить здесь свой автограф?

Все довольно охотно начали собираться в обратный путь. Но...

— Интересно было бы нырнуть в это озеро, — с вождением проговорил неугомонный Алик. — Может, пещера тянется дальше?

Разумеется, Мишка сейчас же загорелся.

— Слушайте! У нас же есть акваланги, давайте принесем их сюда и нырнем! — предложил он с торжественным видом новоявленного Архимеда.

Глаза у всех так загорелись, что, похоже, в пещере даже стало светлее. Я поспешил вмешаться:

— Нет уж, пусть этим занимаются специалисты, спортсмены-пещерники. А мы сюда приехали работать на раскопках, а не в подземные озера нырять. Кто хочет получить немедленно расчет — пожалуйста!

Мишка было попытался хорохориться:

— Меньше пены, на меня твои запреты не распространяются. Я, брат, вольный казак...

Но я ему весьма внушительно погрозил кулаком и твердо сказал:

— Ладно, кончили разговорчики. Собирайтесь в обратный путь, время уже к вечеру идет.

По оставленным отметкам выбрались мы из пещеры без осложнений. В одном только месте забрели в боковой тоннель, но быстро заметили свою ошибку.

4

Продолжает Алеша Снорчинский

Не знаю, как другим, но мне все-таки было чертовски приятно выбраться на белый свет из этого мрачного склепа и вдохнуть всей грудью свежий морской ветерок. Да, помо-ему, и все сразу почувствовали себя уютнее и спокойней.

Один только Мишка с присущим ему козлиным упрямством сказал, многозначительно поглядывая на меня:

— А я все-таки на днях загляну сюда с водолазным костюмчиком. Любопытно будет понырять под землей...

Я промолчал, решив серьезно поговорить с ним потом, чтобы он не баламутил мне ребят или убирался ко всем чертям из нашего лагеря.

Но в этот вечер поговорить не удалось: Мишка отправился на танцы и вернулся, когда я уже спал. Наутро он не вспоминал о своем замысле нырять в подземное озеро, и я промолчал.

А на следующий день новая непонятная находка всколыхнула весь наш лагерь.

Я всех строго предупредил, чтобы, наткнувшись хоть на малейшие признаки остатков каких-нибудь металлических вещей, тканей или папируса, немедленно прекращали раскопку и вызывали меня. Но на эту странную находку наткнулся я сам, расчищая землю вокруг остатка фундамента одной из колонн храма.

Грубо обтесанный камень заинтересовал меня едва заметным узором, почти стершимся от времени. Узор мог иметь и естественное происхождение, — скажем, оставлен водой или проточен улиткой. Ну, а вдруг это орнамент, нанесенный рукой какого-нибудь безвестного художника тавра на камне, который потом греки использовали при строительстве храма? Такая возможность тоже была не исключена.

Но, осторожно отгребая ножом землю, чтобы обнажить весь камень и получше рассмотреть узор на нем, я вдруг наткнулся на что-то твердое. Стал осторожнее расчищать землю в этом месте — постепенно обнажился обуглившийся и свернувшийся в трубочку кусочек кожи.

Пергамент? Документы могли писать и на пергаменте, он тогда уже получил широкое распространение.

Меня кто-то окликнул. Я не отозвался, стараясь даже не дышать.

Только странное ощущение, словно в раскопе вдруг стало темнее, заставило меня поднять голову: откуда взялись тучи?

Но то были не тучи. Просто вокруг ямы, сразу почуяв по моей увлеченности, что обнаружено нечто интересное, сбрались все участники нашей экспедиции.

— Что случилось? Чего вы тут столпились? — расталкивая ребят, пробился вперед встревоженный Мишка. Волосы у него были мокрые, видно, только вернулся с моря.

— Фу, ты жив и здоров! — сказал он. — А я уж обрадовался — думал, тебя завалило ненароком. Давно этого ждал надо при твоей одержимости...

— Что вы нашли, Алексей Николаевич? — перебила его Тамара.

Что я нашел? Я этого еще не знал сам. Бережно держа ладони находку, я с помощью десятка протянувшихся ко мне рук вылез из раскопа. Кто-то торопливо расстелил на земле носовой платок, я положил находку на него и только теперь начал ее внимательно рассматривать.

Да, несомненно, кусок кожи, скрутившийся в трубку от

огня и с поверхности сильно обуглившийся. Видимо, сразу был засыпан землей и не успел сгореть.

Но внутри есть еще что-то...

Осторожно, двумя пинцетами, я начал раскручивать сверток. Внутри оказались две узкие деревянные планки, скрепленные между собой под тупым углом так, что получилось нечто вроде развилка рогатки. Кожа была пришта к этим планкам крепкими воловьими жилами.

Что это могло быть? Расходящиеся концы планок обломаны. Может быть, часть какого-то храмового украшения или утвари для богослужений?

Догадки посыпались со всех сторон и, как водится, самые фантастические:

— Деталь фриза?

— А может, кусок драпировки?

— Какая-нибудь маска, которую надевал жрец?

— Ну да! Что же он, шаманом был, что ли?

— А может, это обломок игрушки? — нерешительно сказал Алик.

— Какой игрушки?

Алик замаялся и так покраснел, что даже загар не мог этого скрыть.

— Ну, чего же ты смущаешься? — подбодрил я. — Догадка, во всяком случае, более правдоподобная, чем домыслы о масках или архитектурных деталях. Игрушки вполне могли оказаться в храме как дары от излеченных детей. Известен случай, когда мальчик, по имени Евфан, принес в дар Асклепию за успешное излечение самое дорогое, что у него было, — десять косточек для игры в бабки...

— Ну! Значит, и тогда уже играли в бабки?

— Конечно, Миша. Об этом подарке сохранилась запись на стене храма Асклепия в Эпидавре. Так что догадка Алика может оказаться вполне правильной.

— Нет, Алексей Николаевич, я сморозил глупость, — замотал головой Алик. — Это я по первому порыву. Сходство уж больно большое...

— С чем?

— Что ты жмешься? Начал, так говори! — напали на беднягу со всех сторон.

— Да понимаете, я в детстве очень авиамоделизмом увлекался... — Он опять замолчал, заливаясь пунцовой краской.

— Ну и что ты хочешь сказать?

— Мне показалось, что это похоже на модель самолета... На кусок крыла...

Ох, какой тут поднялся хохот! Но всех перекрыл своим зычным голосом Мишка.

— Тихо, дети! — заорал он. — Это же сенсация, величайшее открытие нашего века! Надо бежать на телеграф: «Найдены остатки крыльев Икара. Подробности почтой...» Или лучше так: «Обнаружены следы деятельности юных авиамоделистов первого века до нашей эры...»

Надо было вступить за несчастного Алика и поскорее утихомирить Мишку.

— Слушай, а ты напрасно глумишься над техническими познаниями древних, — сказал я. — Тут еще может быть немало поразительных открытий и откровений для вашего брата, скептиков-инженеров. Слыхал ты, например, о знаменитой находке возле острова Антикитера?

— Возле какого острова? Не сбивай ты меня, пожалуйста, этими древнегреческими названиями. И — пардон — что там было найдено — действующая модель атомной бомбы?

— Нет, отлично действующий счетно-решающий механизм, конечно, не электронный, как у вас теперь, но не менее поразительный по тем временам.

— Любопытно! Если можно — поподробнее, маэстро.

— Ну, лекцию читать не буду, не бойся. Скажу коротко: до этой находки считалось, будто древние греки имели большие достижения в области чистой математики, но механика у них не достигла особенного расцвета. И вдруг в начале этого века ловцы губок находят на дне моря возле острова Антикитера прибор, который показывал годовое движение Солнца в зодиаке, точное время восхода и захода самых ярких звезд и наиболее важных для ориентировки созвездий в различное время года. Кроме того, были особые указатели основных фаз Луны, времени захода и восхода всех планет, известных греческим астрономам, — Меркурия, Венеры, Марса, Юпитера и Сатурна, и даже схема их движения по небосводу.

— И сколько же зданий он занимал на дне моря, этот чудо-прибор? — продолжал ершиться Мишка, но уже с явной заинтересованностью.

— В том-то и дело, что он был весьма портативным, не больше современных настольных часов.

— А когда он был создан? — спросил Алик.

— Корабль, на котором прибор находился, потерпел крушение что-то в первой половине первого века до нашей эры, сейчас точно не помню. Можно справиться по описанию находки.

— А у тебя есть даже описание?

— Конечно. Или ты думаешь, что я все это тоже выдумал? Надо поискать вечером, кажется, этот журнал у меня даже здесь, с собой. Там и подробное описание, и схема, и несколько фотографий...

— Ну, если даже фотографии есть, то я поверю в кружок авиамоделлистов до нашей эры.

— По рукам! А пока — за работу, — скомандовал я. — И так сколько времени потеряли!..

Вечером я разыскал толстый том «Античных древностей» с описанием замечательной находки у берегов Антикитеры, и Михаил забыл даже о танцах и традиционном вечернем купании. А я тоже рылся в книгах, пытаюсь найти хоть намек на разгадку того, что мы сегодня нашли.

Я рассматривал фотографии и зарисовки античных игрушек, различных предметов домашней утвари, даже обуви

и одежды. Потом мне показалось, будто странная находка может иметь какое-нибудь отношение к мореплаванию тех времен. Может быть, это клочок паруса? Но вряд ли их делали из таких хорошо обработанных кож. А точнее проверить это предположение, увы, невозможно, потому что до нас не дошло ни одного древнегреческого парусника, только их изображения на вазах.

Мишка, видно, увлекся. Он чертил какие-то схемы, и время от времени я слышал его бормотание:

— Так, значит, верхний циферблат укреплен над главным приводным колесом. А стрелки поворачивались при помощи вот этого барабана-эксцентрика... Ну, а этот штифтик для чего?

«Клонуул, — радовался я. — Теперь надолго забудет про свою пещеру. Давай, давай, брат! Над этим хитроумным механизмом уже многие ломали головы...»

Но вскоре им овладела новая мания: начал требовать у меня образцы посуды и обломки обожженных кирпичей для каких-то анализов.

— Да зачем тебе это нужно? Что ты собираешься с ними делать?

— Совершенствовать метод палеомагнетизма.

Возражать против этого было трудно. Метод палеомагнетизма, разработанный за последние годы физиками, сильно облегчил нам, археологам, датировку находок. Колдуя со своими хитрыми приборами над черепками глиняной посуды, они ухитрялись узнавать, каким было магнитное поле Земли в то время, когда эта посуда обжигалась в гончарной печи. А потом, пользуясь сложными графиками и диаграммами, на основе этих данных довольно точно определяли время изготовления посуды.

Почти для каждого найденного образца я на всякий случай подбирал и дубликаты. Но все равно расставаться с ними не хотелось: мало ли что может случиться?..

А Мишка был неумолим:

— Давай, давай, не жадничай! Для тебя же стараюсь.

Через несколько дней пришел конец его отпуску. Михаила телеграммой досрочно вызвали в Москву.

Когда я провожал его на автобус, он вдруг погрозил мне пальцем и насмешливо сказал:

— А пещерку-то ты мне побереги до следующего приезда. Я туда непременно слазаю.

— Поберегу, поберегу, — мрачно пообещал я. — Я туда даже вход замурую и землей засыплю, чтобы ты его никогда больше не нашел, бродяга!

Он увозил с собой целый ящик обгорелых кирпичей.

— Куда тебе столько? — спросил я. — Дом можно построить.

— Есть у меня одна идея, — сказал Мишка, — но пока молчок.

Любит он напускать таинственность! На что ему эти кирпичи?

На следующий день произошло такое событие, что все

посторонние мысли сразу вылетели у меня из головы. Я забыл обо всем на свете, кроме работы.

С утра все было как всегда. Уже вторую неделю мы вели раскопки бокового придела храма. Постепенно расчищался последний угол небольшой каморки, видимо служившей прибежищем кому-то из храмовых служителей-рабов. Тут трудно было рассчитывать обнаружить даже остатки нехитрой домашней утвари. Какое имущество могло быть у раба?

Зачистку вел старательный и аккуратный Алик Рогов. Я ему доверял самые сложные раскопки, так что спокойно оставил его одного и отправился на другой объект, где несколько студентов только начинали вскрывать фрагмент основания крепостной стены. Я поработал с ними около часа, когда увидел бегущую к нам Тамару. Она еще издали отчаянно махала рукой.

Задыхаясь, крикнула:

— Алексей Николаевич, идите скорей! Вас Алик зовет!

— Что у вас там стряслось?

— Он нашел какую-то рукопись!

Мы все помчались к Алику — впереди я, за мной студенты, побросавшие лопаты, а позади всех совершенно обессилевшая Тамара.

Рогов сидел в яме, то и дело нетерпеливо высовывая оттуда голову, а сам прикрывал ладонями и всем телом находку, смешно растопырив локти — совсем как наседка на гнезде. Я спрыгнул к нему в раскоп, остальные столпились вокруг, шумно отдуваясь и переводя дыхание.

Алик осторожно отнял руки, и я увидел торчащий из земли край какой-то плетенки из прутьев, видимо корзины. Ветви обуглились.

Я отметил это мельком, машинально. Все внимание мое привлек кусочек папируса, торчавший между прутьями. Неужели чудом уцелел какой-то письменный документ?!

Сдерживая дрожь в руках, с помощью Алика, который словно ассистент во время сложной хирургической операции, по одному движению моих бровей подавал то скальпель, то резиновую грушу для сдувания пыли, я начал расчищать землю вокруг корзины.

Пинцетом я извлек из нее клочок тряпки, комочек шерсти, несколько щепочек, глиняную пластинку... И, наконец, небольшой, тонкий сверток папируса, за ним второй. Их я тут же, пока не рассыпались в труху от свежего воздуха, раскатал и зажал между двумя стеклами. Теперь можно было вытереть пот со лба и попытаться повернуть совершенно затекшую шею...

Я взглянул на часы. Не мудрено, что шея так зверски болела: провозился два часа семнадцать минут, совершенно не заметив этого.

Я пробежал глазами коротенькую надпись на табличке:

«Клеот спрашивает бога, выгодно ли и полезно ему заниматься разведением овец?»

Так, все ясно: обычный запрос к оракулу.

Теперь папирусы. На первом из них написано:

«Я решительно упрекаю тебя за то, что ты дал погибнуть двум пороссятам вследствие переутомления от длинного пути, а ведь ты мог положить их в повозку и доставить благополучно. На Гераклида вина не падает, так как ты сам, по его словам, приказал ему, чтобы пороссята бежали всю дорогу. И затем не забудь пустить...»

Дальше записка обрывалась, хотя на папирусе еще оставалось свободное место и чернела большая клякса, словно писавшего кто-то подтолкнул под руку.

Я торопливо перерисовал текст в свой блокнот и занялся вторым клочком папируса. Это тоже, видимо, какой-то черновик. Буквы небрежно разбежались по неровным строчкам: дельта, эпсилон, сигма, омикрон...

Я перечитал их снова и крепко потер себе лоб.

Все буквы были мне знакомы, но я ничего не понимал. Они не складывались в нормальные, понятные слова. Самые обыкновенные греческие буквы... Но из сочетания их получалась какая-то немислимая тарабарщина, лишенная всякого смысла.

Я понимал лишь отдельные слова: «по-ахейски», «нацеди», а вот это, пожалуй, «размешай». Но и эти слова были какие-то искаженные, с отсеченными окончаниями, словно нарочно исковерканные, так что я скорее угадывал их смысл, чем понимал его точно.

Весьма странное и мучительное ощущение! Представьте себе, что вы по-прежнему знаете, как произносятся каждая буква родного алфавита, но понимать смысл слов, написанных ими, вдруг разучились. Перестали понимать свой родной язык!

Так было и со мной. В полной растерянности я поднял голову и сказал обступившим меня студентам:

— Ничего не понимаю... Что за черт!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МЫ НЫРЯЕМ ПОД ЗЕМЛЕЙ

*Иметь взгляды — значит
смотреть в оба!*

С. Ликок

1

Рассказывает Михаил Званцев

Мой Алеша бросил свои раскопки и примчался в Москву совсем ошалелый. Всегда такой спокойный, рассудительный, даже слишком медлительный, на мой взгляд, тут он стал сам не свой. Еще бы, поставьте себя на его место: наконец-то нашел заветный «письменный источник», а прочитать его не может!.. Из шести-десяти восьми слов разобрал только пяток.

Вечером мы вдвоем с ним ломали головы над этой за-

гадкой. Небольшой, криво оторванный клочок папируса, исписанный поперек столбцами неровных строчек. Буквы на нем выцвели, стали едва заметны, — не случайно, его, видно, бросили в мусорную корзину. А мой фанатик прямо трясется над ним, словно это невеста какое сокровище.

Но, честно говоря, я начал разделять его азарт. У меня тоже руки прямо зачесались расшифровать сей загадочный документ.

— Слушай, а может, это действительно шифр какой? — предположил я.

— Кому нужно было зашифровывать какие-то хозяйственные надписи? — пожал он плечами.

— Почему хозяйственные? Ты что, их прочитал?

— Нет, но пользуюсь все тем же методом дедуктивного анализа, могущество которого уже имел счастье тебе демонстрировать. Смотри, — он склонился над столом, водя карандашом по стеклу, под которым лежал кусочек папируса, — видишь, в конце четвертой строки одинокая буква «бета», в конце пятой — «альфа», а девятая строка кончается буквой «гамма». Это явно цифры: 2, 1, 3. Греки тогда обозначали цифры буквами. Значит, идет какое-то пересчисление, опиши чего-то.

— Пожалуй, ты прав.

— Уже есть зацепка. Значит, рано или поздно мы его расшифруем...

— Да, по частоте повторяемости отдельных букв. Чистейшая математика и статистика! И все-таки я прав, а не ты: ключ к этому тарабарскому языку надо искать, как в обыкновенной шифровке. Мы с тобой сейчас в положении Вильяма Леграна, обнаружившего кусок пергамента с криптограммой пиратского атамана...

— Какого еще Леграна?

— Маэстро, надо знать классиков. Эдгар По, «Золотой жук».

Я легко отыскал на полке серый томик и открыл на нужной странице, не обращая внимания на очередной ядовитый выпад:

— Это что, твое основное пособие по расшифровке неизвестных письменностей?

— Итак, что сделал проницательный Вильям Легран? Он подошел к расшифровке строго научно. В любом языке каждый элемент — звук, буква, слог и тому подобное — повторяется с определенной частотой. На этом и основана расшифровка секретных кодов. Зная, что в английском языке чаще всего употребляется буква «е», Легран подсчитал, какая цифра наиболее часто встречается в пиратской криптограмме, и всюду вместо нее подставил эту букву. Потом, опять-таки по закону частоты повторения, он буква за буквой разгадал всю шифровку и узнал сокровенную тайну пиратов: «Хорошее стекло в трактире епископа...»

— Не вижу все-таки особенного сходства с той задачей, которая стоит перед нами, — перебил он меня.

— Слушай, ты иногда бываешь удивительно непонятлив!

Эту фразу можно зашифровать так, как сделал пиратский атаман Кидд.

Я набросал на листочке бумаги криптограмму из рассказа

53 $\begin{matrix} + & + \\ + & + \end{matrix}$ + 305))8*; 4 826) 4 $\begin{matrix} + \\ + \end{matrix}$) 4 $\begin{matrix} + \\ + \end{matrix}$...

— А можно ее зашифровать и по-другому — словами. Скажем: «Лобасто кире а курако пула...» Получается в точности твой тарабарский язык. Теперь достаточно переписать это греческими буквами, которых я не знаю, или латинскими, и можно выдавать за древний манускрипт на неизвестном языке. — Я тут же проделал эту несложную операцию и подал ему листочек:

«Lobasto кире а курако пула...»

— Пожалуй, ты прав, — пробормотал он, разглядывая его. — Это можно расшифровать...

— Но ты знаешь, дорогой мой осквернитель древних могол, сколько времени тебе на это потребуется? — Я быстро прикинул на подвернувшемся под руку клочке бумаги. — Да, к концу жизни, глубоким стариком, ты, наконец, прочтешь: «Настоящим удостоверяю, что мною, жрецом А. П. Еврипидусом, действительно украдены из казны храма З — в скобках прописью: три — бронзовые иголки». Что и говорить — лучезарная цель, ей не жалко посвятить жизнь!

— Трепач ты, Мишка! — вздохнув, сказал он. — Во-первых, каждый новый документ древности очень важен для науки. А во-вторых, я не собираюсь корпеть над расшифровкой, как некий кустарь-одиночка. Опубликую копию в журнале, и общими силами мы как-нибудь разгадаем эту загадку в ближайшие годы...

— А в ближайшие недели не хочешь? — надменно спросил я. — Ты забыл, что в наше время самые выдающиеся открытия совершаются на стыках далеких друг от друга наук?

— То есть?

— То есть тебе на помощь придет всемогущая кибернетика, разумеется в моем лице.

И знаете, что он мне ответил, этот зарвавшийся наглец?

— Я знаю, — говорит, — что нынче некоторые не надеющиеся нахватать звезд в своей собственной науке спешат примазаться к другим отраслям знания, где их слабость не так заметна непосвященным. По древнему принципу: в стране слепых и кривой — король. Что ты понимаешь в археологии или лингвистике?

— Ах, так? — сказал я. — Тогда нам не о чем разговаривать.

Но тут он начал всячески улещать меня:

— Ладно, не ершись, это я так, ради красного словцабрякнул. Конкретно, что ты предлагаешь?

— Пора бы перестать уже увлекаться этими кустарными методами и вспомнить, что мы живем в век электро-

ники. Вспомни, как ловко расшифровали недавно новосибирцы язык майя! А ведь он, наверное, посложнее твоей тарабарщины. Короче: предлагаю положить твой орешек на зубок электронно-вычислительной машины. Договорюсь с шефом, думаю, он разрешит проверить эту работенку в нашем институте. Раз документ написан известными буквами, но на неизвестном языке, его можно рассматривать как шифровку. Чтобы подобрать к ней ключ, тебе придется возиться несколько лет. А машина это сделает гораздо быстрее.

— Неужели это возможно?

— Прощаю тебе сомнения только потому, что ты полный профан в кибернетике, — величественно сказал я.

2

Рассказывает Алексей Скорчинский

Мишка — большой трепач, и я, признаться, не слишком верил его радужным обещаниям. Но насчет того, что «в стране слепых и кривой — король», — это я ему, конечно, брякнул зря, незаслуженно, хоть и мало разбираюсь в кибернетике. Товарищи по работе его очень уважают и ценят; судя по их отзывам, он там, в своем институте, если и не король пока, то, во всяком случае, подающий большие надежды.

И в то же время не замыкается он в узкопрофессиональную «скорлупу» — это мне тоже в нем нравится. И астрономией увлекается и в литературе разбирается неплохо, а теперь еще затеял какие-то мудреные опыты с палеомагнетизмом, замучил меня совсем, требуя все новые и новые образцы для анализов. Вот только в истории и археологии слабоват, но ведь никто не обнимет необъятное!..

Уже на следующий день Михаил позвонил мне и сказал, что имел «предварительную дипломатическую беседу с шефом и дело разрешится в самое ближайшее время». Но я не стал это время тратить зря.

Я набрал в библиотеках толстые груды по лингвистике и сравнительному языкознанию. И чем больше читал, тем труднее казалась задача.

С похожей проблемой несколько лет назад столкнулись наши археологи, раскопав возле древней парфянской столицы Нисы на юге Туркмении таблички с арамейскими письменами. Эти письмена известны ученым давно, их умеют читать. Но трудность заключалась в данном случае в том, что арамейскими письменами, как более удобными по сравнению с клинописью или иероглифами, пользовались в древности многие народы Азии, говорившие на самых разных языках.

Расшифровать таблички, найденные в Нисе, удалось сравнительно быстро потому, что хоть примерно можно было предположить, на каком языке они написаны арамейскими буквами, — ведь Ниса была в те времена столицей Парфянского царства. Эта догадка оказалась правильной.

Для расшифровки надписей объединились археологи, знатоки иранских наречий и специалисты по семитским языкам, к которым относится арамейская письменность. И древние документы заговорили.

А как быть мне? Найденный документ написан греческими буквами, но на каком языке? Может быть, на языке скифов — они населяли тогда всю степную часть Крыма и своей письменности не имели. Но раз у них не было никакой письменности и не сохранилось ни единого документа, где мне найти теперь человека, знающего скифский язык? Не было своей письменности и у тавров, язык их умер для нас безвозвратно.

Ниточки, за которые я тщетно цеплялся, пытаюсь распутать этот клубок, обрывались тут же, в самом начале.

Вот одно слово в найденном документе звучало совсем как греческое «коцит». Так называли в некоторых мифах реку в загробном подземном царстве. Но сюда это явно не подходило, получалась полнейшая абракадабра, да к тому же слово было написано с маленькой, а не с прописной буквы — значит, не было собственным именем. Оно только звучало похоже, но означало, видимо, нечто совсем иное, чем загробную реку...

Я чувствовал, что залезаю в опасную ловушку этимологического метода. Сторонники его пробуют в подобных случаях понять неизвестный язык только путем его сравнения с каким-нибудь другим, известным. Особенно они увлекаются при этом звуковым совпадением слов в тех языках, которые сравнивают.

Но эта дорожка ошибочная. Попробуйте догадаться по одному только звучанию, что означает слово *catz* на языке индейцев майя. Оно звучит совсем как немецкое *katze*, но означает совсем иное: у майя это «птицы», а у немцев — «кошка». Новогреческое слово «*пă*» звучит очень знакомо для русского уха. Но означает оно вовсе не отрицание, а, наоборот, утверждение — «да».

Надо было не поддаваться соблазну знакомых созвучий, а идти более затяжным и трудным, но зато единственно надежным путем: сравнивать и сопоставлять повторяющиеся комбинации слов в связи с тем, что мог предположительно означать этот документ, с какой целью он был составлен. Этим я и занимался.

Постепенно я расширял круг поисков, заново перечитывая все, что было известно о скифах, таврах и других соседях греческих поселений в Крыму. Ключ к разгадке тайны неизвестного языка следовало, по-моему, искать где-то здесь.

Но через неделю телефонный звонок Мишки Званцева вырвал меня из этого мира древностей и перенес в совсем иной, сверхсовременный...

— Приезжай сейчас же в институт, я тебя жду, — скагал он. — Шеф разрешил заниматься твоей шифровочкой после работы. Надо подготовить все материалы. На той неделе нам дадут машину на тридцать шесть часов...

— Только? — огорчился я. — А что мы успеем за это время?

Он так яростно засопел в трубку, что я торопливо добавил:

— Ну ладно, ладно, еду.

Институт находился за городом, километрах в сорока от Москвы. Прямо посреди сосновой рощи поднимались высокие корпуса, сверкая на солнце огромными окнами. И внутри все было новенькое, ультрасовременное. Я чувствовал себя не очень уютно в этом совершенно непонятном мне мире машин, окруженных защитными проволочными сетками, словно звери в зоопарке, приборов, занимающих целые комнаты, подмигивающих цветными лампочками пультов от пола до самого потолка.

А Мишка похаживал хозяином и по привычке «распускал павлиний хвост», как любил делать перед непосвященными:

— Чудо-машина, ее бы следовало назвать: «Смерть дуракам!» Моментально разоблачит и шпаргалочника в институте, и пройдоху-очковтирателя, и липового плановика, который все цифры берет с потолка...

Паренек в синем халате, с торчащей из кармашка логарифмической линейкой был, наоборот, очень немногословен.

— Виктор, колоссальный программист, — представил мне его Мишка Званцев.

А паренек уже невозмутимо склонился над копией найденного документа, машинально вытаскивая из кармашка свою логарифмическую линейку. Чем она ему тут может помочь?

Что происходило дальше, до сих пор как следует не понимаю и потому вряд ли смогу обстоятельно рассказать. Я вдруг снова почувствовал себя так же глупо, как и в тот момент, когда вытащил странный документ из-под земли. Михаил и Виктор о чем-то деловито рассуждали, но я почти ничего не понимал из их разговора. Алгоритм, статистические свойства текста, кодировка по таблицам случайного набора символов, энтропия, математическое ожидание и дисперсия — нет, они говорили явно на каком-то неизвестном мне языке.

Я и не пытался уже вникать в их разговор, отзываясь только на вопросы, обращенные лично ко мне и к археологии. Они заменили каждую букву греческого алфавита цифрами. Обыкновенная греческая буква «альфа» приняла в результате этого совершенно чудовищный, по-моему, вид: 100 000. А «эпсилон» стал выглядеть как 100 101. Вот теперь, по-моему, документ был действительно надежно превращен в какую-то шифровку...

В общем о технологии всей подготовительной работы по расшифровке найденного документа я больше ничего говорить не буду: желающие (и способные в этом разобраться) смогут узнать все подробности из специальной статьи, которую Михаил и Виктор готовят сейчас для сборника, посвященного проблемам кибернетики.

Так они колдовали с цифрами вечерами всю неделю.

И Виктор, покачивая головой, несколько раз говорил мне:
— Очень мало текста, боюсь, ничего не выйдет. Повторяемость некоторых букв ничтожна. Если бы вы нам дали побольше текста...

Чудак! Я бы и сам хотел найти новые документы: пусть даже непонятные, на таком же загадочном языке. Но, кроме этого клочка папируса, у нас пока ничего не было.

Наконец наступил день, когда по распоряжению шефа, которого я так и не видел и даже имени не узнал, нашей группе № 15, как она, оказывается, официально уже именовалась, должны были по графику дать на тридцать шесть часов вычислительную машину. В зал, где она размещалась, меня не пустили.

— Все равно ничего не увидишь, а только будешь мешаться под ногами, — строго сказал мне Михаил.

И я на этот раз не осмелился с ним спорить, только заглянул в зал на машину через полуоткрытую дверь. Но не увидел ничего нового, кроме все тех же пультов с лампочками да загадочных приборов вдоль стен. А потом дверь закрылась, и я отправился домой ждать...

Не знаю, сколько прошло времени до следующего вечера, — вероятно, тридцать шесть не часов, а лет или, может, даже десятилетий. Я услышал Мишкины торопливые шаги и распахнул дверь раньше, чем он успел позвонить. Первым делом впился взглядом в его лицо. Оно было смущенным. Значит, все оказалось липой, очередной трепотней?

— Ну?

— Да дай ты мне раздеться! — сказал он, отпихивая меня в сторону и разматывая шарф. — Понимаешь, очень мало текста, Виктор был прав.

— Где она? — заорал я.

С явным смущением, так не похожим на него, Михаил положил передо мной листок, на котором было написано:

«Возьми по-ахейски
«благовон», выжми из нее . . . и раз-
бавь водой из
Добавь два,
. возьми . . . пива . . одну,
зарезь нацеди его . . в ту
и . . . и доверху . . разбавленным
. это размешивай
не пена три
. и
. заговор
. «Сарон, Калафон,
. И залпом»

— Вот и все, по-моему, не слишком густо. Но ничего не поделаешь, текст уж больно коротенький, куций, — сказал Михаил так, словно был в чем-то виноват. — Тарабарщина. И, по-моему, не очень интересная: не то страница из поваренной книги, не то рецепт какого-то яда — не случайно тут упоминается слово «заговор» и чьи-то имена.

— Ничего ты не понимаешь в археологии, — решил я его утешить, хотя и сам был разочарован. — Тебе все кажется, будто для нас важнее всего найти какой-нибудь клад. А порой самые обыкновенные черепки от посуды или вот такая запись могут рассказать куда больше важного и интересного, чем находка красивой вазы или золотого кубка. Материальная культура народных масс далекой древности — вот что нас прежде всего интересует: как развивались производительные силы общества, что сеяли на полях, выделяли в мастерских, в какие производственные отношения вступали между собой люди в процессе труда.

— Ну и что же тебе говорит эта куца расписка, домогщенный Шерлок Холмс?

— Ну, во-первых, я ошибался, принимая это за какую-то хозяйственную опись или реестр. Скорее всего это рецепт, который жрец почему-то хотел засекретить, скрыть от чужих глаз...

— А может, все-таки сообщение о заговоре?

Мишке явно хотелось идти по стопам героев Эдгара По.

Рецепт его не устраивал: какая в нем романтика?

— Да нет, слово «заговор» тут употреблено в смысле «закливание». А имена явно не греческие, вероятно, какие-то магические божества или демоны.

Я еще раз внимательно просмотрел запись и добавил:

— Кое-какие пробелы, кажется, можно восстановить по смыслу, помочь твоей чудо-машине. По-ахейски «благовоном» называли мяту. Значит, первая строчка читается: «Возьми мяты, называемой по-ахейски «благовоном»... Шестая строка: «зарезь», вероятно, какое-то жертвенное животное, а не коварного врага, как ты думаешь; «нацеди его» — видимо, «крови» — в какой-то сосуд... Да, несомненно, рецепт. Но зачем жрецу понадобилось зашифровать его, не понимаю!

— Хотел утаить, чтобы стать монополистом. Ты что думаешь, в древности жуликов не было, что ли?

— Возможно.

Тут я заметил, что Михаил как-то странно мнется, словно хочет что-то сказать, да стесняется, — совсем на него не похоже.

— Ты что?

— Да так, есть одно соображение...

— Ну, говори.

— Боюсь брякнуть такую же нелепость, как тогда Алики насчет древних авиамоделлистов, — засмеялся Мишка. — Понимаешь, я тоже думал: зачем все это понадобилось проделывать жрецу? Почему его не устраивал родной язык, от которого потом пошли почти все письменности Европы и некоторые алфавиты Азии? По сравнению с громоздкой вавилонской клинописью или египетскими иероглифами греческий алфавит ведь в те времена был самым прогрессивным, простым и логичным. Недаром его, по-разному видоизменив, написали буквы, взяли потом за основу для своей письменности и некоторые другие народы.

— Ты, оказывается, не терял зря времени...

— Зачем же понадобилось этому жрецу, оставив греческий алфавит, сочинять какой-то новый язык, сохранив для него лишь немногие греческие слова, да к тому же почему-то искаженные? — продолжал он, отмахнувшись от меня, как от мухи. — Только ли для зашифровки этих секретов? Но для этого можно было и не заниматься сочинением нового языка — достаточно лишь зашифровать записи цифрами или условными знаками, как это сделали пираты в рассказе Эдгара По.

Он помолчал и добавил:

— Ты обрати внимание, что этот загадочный язык был, видимо, каким-то очень простым, логичным и ясным, поэтому многие слова так быстро и легко и расшифровала машина...

— Ну и что же ты хочешь, наконец, сказать?

— «Что-то вроде эсперанто», — определил его Виктор Крылов. А его логический ум очень точно схватывает такие вещи...

Мишка свирепо посмотрел на меня — не смеюсь ли, как он в свое время над Аликом, и продолжал:

— Чем больше я раздумывал над тем, что мы узнали в процессе подготовки программы для машины, тем больше внутренне соглашался с этим определением. Да, по простоте грамматических форм, логичности и лаконизму язык этого документа весьма напоминает эсперанто.

Тут уж я не выдержал:

— Эсперанто в первом веке до нашей эры? Ты перечитал слишком много книг по лингвистике! Слушай, это все из той же серии гениальных, но забытых открытий древних. Стальные колонны, которые не ржавеют, марсиане в пустыне Сахара, металлические гвозди и булавки, якобы найденные в доисторических слоях известняка... Все это могут сочинять только люди, как ты, совершенно не знакомые с реальным бытом людей древности. Рабовладельческий строй, греческие города окружены враждебными племенами скифов и тавров, не имеющих еще своей письменности, — ну, скажи мне на милость, с чего это греческому жрецу из храма Асклепия вдруг взбрет в голову сочинять в такой обстановке эсперанто для облегчения и укрепления международных связей? Бопиющее отсутствие малейшего чувства историзма! Нет уж, ты лучше почаще вспоминай ядовитые, но совершенно справедливые слова Марка Твена: «Сведения, которыми не обладали древние, были очень обширны...»

— Ладно, будем считать, что этого разговора не было. Что ты собираешься дальше делать?

— Копать, искать! Раз этот жрец вел зашифрованные записи, значит и прятал их в каком-нибудь тайнике. И, конечно, не успел оттуда забрать во время ночного внезапного нападения. Надо найти этот тайник! Надо будет — подожгу вашу проклятую площадку для танцев, но докопаюсь до тайника!

— Нет, все-таки придется тебя, видно, связывать и от-

правлять в сумасшедший дом... Но ладно, я пока никому не выдам, что ты рехнулся, только присылай мне побольше оборельных кирпичиков для анализов.

Дались ему эти кирпичи!..

3

Снова берет слово А. Снорчинский

Новый раскопчный сезон я решил начать с планомерного повторного обследования всех развалин храма Асклепия. Храм имел в плане форму буквы «Т». Мы вскрыли левое крыло и центральную часть. Правое крыло, к сожалению, было для нас недоступным: на его месте уже выстроен са-наторий...

Каморка писца-раба, где мы нашли остатки корзинки с папирусом, находилась как раз в окончании левого плеча буквы «Т». Я предполагал, что и все правое крыло занимали, вероятно, служебные помещения. Вряд ли там мог находиться тайник. Вернее всего, его следовало искать где-то поблизости от центральных помещений, где располагались жертвенники и жили жрецы.

Вся эта часть была раскопана еще в прошлом году. Но мы начали ее обследовать заново, понимая, что при обычных раскопках тайник вполне можно пропустить, если не искать его специально.

Заново, сантиметр за сантиметром, я сам перекапывал всю землю в прошлогоднем раскопе. Мне помогал Алик Рогов, но вскоре ему эта работа, видимо, начала казаться пустой тратой времени. Он копал равнодушно, только «отбывал время» до конца работы, а потом немедленно смывал всю пыль и грязь и куда-то отправлялся на весь вечер.

Я долго не мог понять, куда же это он исчезает по вечерам, пока не увидел, заглянув случайно в его палатку, акваланг. Значит, прошлогодний визит Мишки все-таки оставил свои плоды: мои мальчики тоже заметили, что море у них под боком. Недоставало еще только, когда Мишка нагрянет в очередной отпуск, чтобы они додумались вместе с ним нырять в это злополучное подземное озеро.

Но я ошибся.

Однажды вечером я сидел в палатке и заполнял дневник раскопок. Алик исчез, как обычно, сразу после работы, прихватив акваланг. Солнце уже скатилось за горы, в палатке становилось темновато. Пора было зажигать фонарь.

И вдруг входной полог откинулся, и в палатку просунулась лохматая голова Алика. Все лицо у него было перемазано глиной. Уж не случилось ли чего?

— Алексей Николаевич... Я скелет нашел, — торопливо забормотал Алик, с трудом втискивая в палатку свое долговязое тело и зачем-то еще волоча за собой акваланг, тоже весь перепачканный грязью.

— Где? Какой скелет? Утопленник, что ли?

— Да нет, не в море, а в той пещере, что осенью раз-

ведывали. Я решил ее хорошенько обследовать. Нырять несколько раз в подземное озеро, там вторая пещера...

Так вот куда, оказывается, отпраплялся он каждый вечер с аквалангом! А я-то думал, будто он спокойно ныряет в море, как все нормальные люди...

— Ничего особенного не обнаружил... А вот сегодня в боковом кармане нашел скелет, — продолжал он бессвязно рассказывать.

— В каком кармане?

— Да это так у нас, спелеологов, подземные тупики называются. Такой небольшой грот, а в нем скелет.

— Древнее захоронение?

— Не знаю, не смог определить. Надо вам самому посмотреть.

Больше я от него ничего толком не мог добиться. Отправиться в пещеру на ночь глядя было опасно. Решили подождать утра.

— А как же ты туда один лазил? — напустился я на него. — Еще хвастался, будто опытный пещерник. Разве можно такие вещи делать?

— Да я не один, — смущенно оправдывался Алик, тщетно пытаюсь стереть с разгоряченного лица грязь и только размазывая ее еще больше. — Павлик Курашов со мной ходил для страховки и оставался на берегу озера, пока я нырял. И каждый раз мы у входа записку клали с указанием времени, когда вошли в пещеру и когда предполагаем вернуться. Так что я все правила безопасности соблюдал. Да и товарищи знали, куда мы отправились.

— Значит, тайком от меня?

— Почему тайком? — пробормотал он. — Обследовали пещеру в свободное время. Никто не может нам запретить спортом заниматься после работы, верно? А вам и ребятам не говорили, чтобы не создавать вокруг этого дела нездорового ажиотажа...

— Вот я тебе покажу нездоровый ажиотаж за нарушение экспедиционной дисциплины, — погрозил я ему кулаком, хотя это, пожалуй, было несколько непедагогично. — Ты забыл, что все-таки в экспедиции находишься, а не на курорте дикарем приехал? Я же за каждого из вас головой отвечаю и в рабочее и в нерабочее время! А теперь ступай умойся... пещерный житель.

Лезть в эту пещеру да еще нырять в подземное озеро мне, признаться, вовсе не улыбалось. Но нельзя же оставить древнее погребение необследованным!

Утром, никому не говоря, я поручил одному из студентов заменить меня на раскопках, а сам в сопровождении Алика и Павлика Курашова отправился в пещеру. Акваланг у нас один, но Алик прихватил еще маску с дыхательной трубкой, сказав, что хорошо изучил, как надо нырять, и вполне обойдется этим нехитрым снаряжением.

У входа в пещеру мы оставили записку: вошли во столько-то, предполагаем вернуться не позднее шести часов вечера. Об этом же было сообщено и моему заместителю на раскопках.

Всю подземную дорогу до самого озера мы преодолели без каких-либо осложнений. Алик проходил тут не раз и тщательно разметил путь меловыми стрелками на стенах.

Вот и озеро. Вода в нем при свете наших трех фонарей казалась совсем черной, густой и маслянистой, сверкала, словно нефть. При мысли, что придется нырять в нее, у меня мурашки пробежали по коже. Но Алик быстро разделся, деловито приладил маску, одновременно инспектируя меня:

— Как нырнете, плывите у самого дна, чтобы головой о скалу не стукнуться. Это недалеко, метра три с половиной всего будет. Потом можно всплывать. Я пойду первым и вам посвечу там при выходе.

Потом он придирчиво проверил, хорошо ли упакованы в резиновый, непроницаемый для воды мешок фотоаппарат с лампой-вспышкой и блокнот. Я захватил все, чтобы прямо на месте, как полагается, сфотографировать и зарисовать находки, прежде чем их исследовать.

Сборы были закончены. Поежившись, я смотрел, как Алик, придерживаясь за камни, входит в черную воду и исчезает в ней с головой. Теперь моя очередь. Павлик остался на берегу с нашей одеждой.

Очень неприятное было это ощущение, когда я начал погружаться в холодную и грязную воду. В ней скопилось так много ила, что она казалась липкой и вязкой. Невольно хотелось поскорее вылезти из этой подземной трясины.

Казалось, я физически чувствовал, как тяжело давит на меня вся громада скалы, нависшей сверху. И я невольно почти полз по илистому дну, прижимался к нему всем телом — и так и выполз на берег, весь измазанный.

Внезапно в глаза мне ударил свет фонаря. Сквозь мутные потеки грязной воды на стекле маски я смутно увидел Алика, протягивавшего руку. Он помог мне выбраться на скользкий берег и снять акваланг.

Подземный зал, в который мы попали таким необычным способом, был, видимо, громаден. Наши фонарики вырывали из мглы то сверкающие исполинские сосульки сталактитов, свисавшие откуда-то сверху, с невидимого нам потолка, то кусок скалы, весь усеянный острыми кристаллами неправильной формы. А дальше все пряталось во тьме. Вдоль одной стены выстроились тонкие известковые колонны, напоминая трубы огромного органа. Известковые натёки покрывали все стены, словно причудливые драпировки и кружева. И всюду негромко журчала, звенела, шепталась вода, бесчисленными ручейками вливаясь в подземное озеро...

Но рассматривать зал некогда. Алик тянет меня куда-то в сторону, где тьма кажется особенно густой и мрачной.

Мы бочком пробираемся мимо скалы, оцетинившейся острыми шипами. Потом, пытая и задыхаясь, почти ползком пробираемся по узкому проходу. Алик поднимается во весь рост и нацупывает лучом фонарика небольшую площадку под нависшей козырьком скалой.

— Вот, смотрите, — хрипло произносит он.

Я направляю свет своего фонарика туда же, под нависшую скалу, и медленно подхожу поближе.

Скелет лежит в небольшой нише, рассматривать его трудно. Но сначала нужно выполнить первое железное правило: сфотографировать и зарисовать находку, прежде чем притрагиваться к ней. Сколько случаев известно в истории археологии, когда от прикосновения неопытной руки рассыпались, моментально превращались в прах, в пыль весьма ценные находки! Для этого порой даже и притрагиваться не нужно, достаточно просто струи свежего воздуха.

Я торопливо распаковываю резиновый мешок, вынимаю из него лампы, фотоаппарат, начинаю готовить их к съемке.

— Алексей Николаевич, а какого это примерно времени захоронение? — по-прежнему шепотом, словно боясь нарушить подземный покой, спрашивает помогающий мне Алик.

Я понимаю его затаенное желание, чтобы находка непре-

менно оказалась какой-нибудь исключительно редкой, особенно древней, поразительной для науки. Но пока ничего ответить ему не могу.

— Может быть, тавров или даже кизылкобинцев. Это загадочное племя населяло здешние горы еще до тавров и обычно устраивало могильники как раз в пещерах. Каждая новая находка их особенно интересна для науки.

«А может, это вовсе не могила?» — мелькает у меня в голове. Нет ни ритуальных предметов, какими все древние племена непременно снабжали покойников на дорогу в загробное царство, ни украшений.

Не терпится осмотреть скелет получше, но я сдерживаю себя. Прежде всего снимки.

Аппарат готов. Озаряя подземелье вспышками электронной лампы, я делаю один за другим десять снимков с разных точек. Потом мы устанавливаем вокруг площадки несколько принесенных с собой свечей, и я начинаю зарисовывать в тетрадь детальный план захоронения. Алик взволнованно сопит у меня над ухом.

Зарисовка требует полного внимания и сосредоточенности. Но все-таки в моей голове одна за другой проскакивают отрывочные, бессвязные мысли.

Как таинственно и зловеще выглядим мы, наверное, со стороны: два притихших человека, склонившихся над скелетом при неверном свете свечей... Почему у него такой уродливый лоб? И на костях грудной клетки след удара. Чем?.. Нет, эту руку я нарисовал неверно, она идет вот сюда.

Так. Кажется, первая зарисовка закончена. Теперь надо разметить площадку на квадраты и приступить к детальному обследованию. Может, по сережкам или кольцу, по остаткам украшений, погребальной утвари удастся, наконец, определить, к какому времени принадлежит захоронение.

Мы с Аликом вбиваем кольшики по краям площадки и натягиваем между ними прочную бечевку. Их переплетение образует строгую сетку правильных квадратов, чтобы каждая кость, каждая находка имела точный адрес и можно было записать в дневник раскопок: «Обнаружено в квадрате таком-то...»

Скала твердая, кольшики не хотят в нее вбиваться, мокрые руки срываются. Наконец мы справляемся с этой нелегкой работой, раскровенив себе пальцы. Теперь можно передохнуть и покурить.

Мы садимся прямо на мокрые камни возле скелета, окруженного цепочкой тускло горящих свечей. Я смотрю на часы. Неужели прошло уже шесть часов, как мы вошли в пещеру? Здесь теряешь всякое представление о времени. Надо поторапливаться, а то наверху начнут беспокоиться и, чего доброго, отправятся на поиски.

Обидно, но я не вижу никаких примет, по которым можно было бы установить время погребения. Одежда давно истлела, нет ни металлических, ни костяных украшений. Или это вовсе не захоронение, а человек просто забрел в пещеру и отчего-то погиб здесь? Отчего?

Убийство? Но когда оно произошло? И каким орудием перебиты ребра, куда оно делось?

Алик светил мне, держа в руках, кроме фонарика, еще две свечи. Расплавленный стеарин капал ему на руки, но он не замечал этого.

Мне показалось, что возле ладони скелета что-то тускло блеснуло.

— Ну-ка, посвети сюда получше! — сказал я.

Да, среди камней виднелся какой-то продолговатый предмет. Я осторожно подцепил его пинцетом и вытащил.

— Ничего не понимаю! — растерянно пробормотал я.

У меня на ладони лежал довольно длинный, сантиметров в десять, явно металлический стержень, плотно оплетенный проволокой!

Я протер тряпкой покрывавший его известковый налет. Да, несомненно, проволока, намотанная на металлический стержень.

— Это же проволока! — воскликнул я в полном изумлении.

— Как?! — ахнул Алик и потянулся ко мне. При этом свободная его рука, которой он придерживался за обломок скалы, вдруг соскользнула и задела череп.

И в то же мгновение череп на наших глазах исчез, разрушился. Мы не успели опомниться, как вместо него перед нами лежала только небольшая кучка серого праха.

— Что ты наделал! — вскрикнул я, но тут же махнул рукой. — А, впрочем, ничего страшного.

— Почему? — совершенно упавшим голосом спросил потрясенный Алик.

— Да потому, что зря мы с тобой столько времени потеряли. Нырjali в подземелье, подкрадывались к этому скелету чуть не на цыпочках, старались не дышать, фотографовали, рисовали. А кому он нужен?

— Значит, это не древнее захоронение? — робко спросил Алик.

— Конечно, нет. Древние проволоку не умели делать.

— А как же он сюда попал?

— Пусть это следователь выясняет. Собирай манатки, и пошли отсюда, нечего нам тут делать.

Мы молча засунули в резиновый мешок фотоаппарат, гетрадку, погасили и убрали огарки свечей. Стержень, обмотанный проволокой, я тоже захватил с собой.

Мы уже добрались до берега озера и приготовились нырять, как все еще занятый печальными мыслями Алик вдруг горестно сказал:

— Как же меня угораздило зацепить этот череп? И почему он рассыпался?

— Это, брат, у химиков и анатомов надо спросить. Может, тут вода такая — разъедающая кости. Или воздух в пещере. Да ты особенно не горюй, — утешил я его. — Вот один археолог нашел в Италии гробницу этрусского воина — это действительно ценность. Начал ее вскрывать, только заглянул в щелочку. Воин лежал в гробнице как живой. Каждая морщинка на его лице была отчетливо вид-

на, каждый волосок усов. И мгновенно все превратилось в пыль от струи свежего воздуха. Мумия воина исчезла, испарилась на глазах потрясенного исследователя. Вот для него это был удар, представляешь? Ну ладно, ныряем.

Теперь, после такой обидной неудачи, погружаться в эту грязь было еще противнее. Но ничего не поделаешь.

— Долго же вы там копались! — недовольно сказал Павлик, заждавшийся нас. — Я совсем замерз. Пошли скорее на волю. А что нашли?

— Скелет Александра Македонского в юности. — буркнул я.

Пока мы выбирались из пещеры, Алик наскоро рассказал ему о нашем неудачном походе. Павлик экспансивно ахал, всплескивая руками, крутил головой.

Выбравшись на белый свет, мы первым делом поспешили на берег моря, чтобы смыть грязь. А выкупавшись, вытащили из мешка и снова стали рассматривать проволоку. Ее покрывала толстая известковая пленка от подземной воды.

— Давайте соскоблим грязь и отмоем ее как следует, — предложил Павлик.

— Нельзя, на ней, может быть, отпечатки пальцев сохранились, — остановил его Алик.

— Какие отпечатки пальцев?

— Ну, того... кто ее туда принес, в пещеру. Дактилоскопия. Вы же отдадите эту проволоку следователю? — спросил у меня Алик.

Я кивнул.

— Значит, трогать ее нельзя, — строго сказал он.

— Да вы уже захватили ее своими пальцами, пока рассматривали в пещере, — весьма резонно возразил ему Павлик.

— Ничего, там разберутся, — не очень уверенно сказал Алик. — Там отличат наши отпечатки от следов пальцев преступника.

— Так ты думаешь, его там убили, в пещере? — оживился Павлик. — А кто? И когда?

Тут они начали вдвоем строить такие фантастические догадки, что я решительно оборвал их:

— Ну, хватит с меня этой пещеры Лихтвэйса. Пошли в лагерь, сыщики. И смотрите, если кто-нибудь у меня снова полезет в пещеру! Немедленно отчислю из экспедиции!

На следующий день я отправился в районное отделение милиции и рассказал о нашей неожиданной находке. Молодой краснощекий лейтенант выслушал меня очень внимательно, сразу напустил на себя строгий и деловитый вид, даже застегнул воротничок кителя. А когда я передал ему проволоку на стержне, глаза у него загорелись. Еще бы, я понимал его: часто ли приходится расследовать истории загадочных скелетов, найденных в подземелье!..

— Благодарю вас за важное сообщение, — сказал он, крепко пожимая мне руку. — Мы немедленно займемся этим темным делом.

Уже в дверях я оглянулся. Лейтенант, совсем забыв и обо мне и, наверное, обо всем на свете, зачем-то пристально

рассматривал проволоку в сильную лупу. Может, он и в самом деле искал на ней отпечатки пальцев?..

Вечером я проявил пленку, чтобы отправить следователю и фотографии, сделанные в пещере. «Какой он был головастый! — невольно подумал я, рассматривая еще мокрые отпечатки при зловещем свете красной лабораторной лампочки. — Жалко, что череп рассыпался в прах. Можно было бы восстановить облик по методу профессора Герасимова. Человека с такой головой не трудно было опознать...»

«А вдруг это был все-таки древний кизылкобинец или тавр? — подумал я. — А стержень с проволокой мог подбросить какой-нибудь шутник вроде Васи Харикова, оставившего свой глупый автограф в пещере...»

Когда отпечатки просохли, я отправил их с одним из студентов в пакете к следователю.

Через несколько дней снова подумал, что надо бы и самому наведаться в милицию, узнать, не нашли ли они чего-нибудь новенького в пещере. Но новая неожиданная — вернее, долгожданная! — находка сразу заставила меня забыть и об этом глупом походе в пещеру и о наших детективных находках.

Мы наконец-то обнаружили тайник!

Произошло это так. Я вместе с Аликом вторично обследовал сохранившийся в земле фундамент одной из колонн сгоревшего храма. Обычно для этого использовали грубо обтесанные глыбы местного камня. Но когда я постучал молотком по этой глыбе, звук сразу выдал, что в ней есть какая-то пустота. И действительно, когда я всунул лезвие ножа в щель, видневшуюся между глыбой и мраморной плитой, прикрывавшей ее сверху, плита медленно, словно нехотя, сдвинулась с места, открывая темное отверстие.

Тайник! Но теперь я как-то не слишком даже обрадовался и взволновался. Наверное, потому, что в душе давно ждал этого момента, твердо был уверен, что рано или поздно найду тайник, пусть ради этого пришлось бы несколько лет перекапывать всю землю среди развалин древнего храма. Теперь я просто убедился, что шел по правильной тропе.

Я засунул по локоть руку в темный зев тайника.

Она нащупала что-то холодное, металлическое. Неужели медная циста, в каких греки обычно хранили и перевозили рукописи, чтобы предохранить их от сырости? Сердце у меня так и затрепыхалось.

Я медленно вытащил непонятный предмет из тайника, и все вокруг ахнуло. Это была... нижняя челюсть человека, но только не настоящая, а весьма искусно сделанная, похоже, из серебра. Вслед за ней я вытащил нос — длинный, с характерной горбинкой, тоже серебряный.

— Что это? Серебряный скелет? — воскликнул кто-то из студентов за моей спиной.

Я тоже с немалым удивлением и замешательством рассматривал необычные находки. Этого только не хватало: найти еще один скелет, на сей раз серебряный!

И вдруг вспомнил о древнем суеверном обычае: больной, получивший исцеление, иногда посвящал богу как бы «макет» той части тела, которая у него болела. Обычно такие жертвенные подношения делались именно из серебра. А жрец, устроивший этот тайник, видимо, прикарманил несколько ценных вещей.

Когда я наскоро объяснил это ребятам, похоже, они слегка разочаровались. Видно, уже настроились найти целый серебряный скелет в самом деле.

Но тут же все снова замерло, потому что я засунул руку в тайник поглубже, по самый локоть, и действительно вытащил долгожданную цисту — позеленевший от времени медный цилиндрический футляр.

«А вдруг в нем ничего нет? — Я внезапно так испугался, что пот выступил у меня на лбу, и пришлось его торопливо стереть грязной рукой. — Циста не запечатана, крышка завернута не до конца. Вдруг жрец не успел положить в нее никаких документов и они сгорели в ту паническую ночь?..»

Руки у меня тряслись, пока я медленно отвинчивал крышку цисты под напряженными взглядами всех.

Но вот из футляра так же медленно выполз толстый сверток папируса. Я громко вздохнул, и все вокруг тоже облегченно вздохнуло.

Начало немного попорчено, отсырело. Но это ничего.

Уже при первом взгляде на рукопись я понял: она снова написана греческими буквами, но зашифрована. Тоже не страшно. Рукопись большая, мы ее непременно расшифруем!

Наутро я уже вылетел в Москву и прямо с аэродрома помчался к Мишке в институт. Пять минут, пока я ждал его в проходной, показались мне вечностью...

И вот снова мы составляем таблицы, переводим буквы на язык двойного исчисления. Но теперь эта работа уже идет куда веселее: ведь столько материалов у нас в руках — целая рукопись!..

Сам директор института (оказавшийся, кстати, вовсе не стариком, как я представлял его по рассказам Мишки, а веселым загорелым человеком лет сорока пяти с хорошей спортивной выправкой) несколько раз заходил к нам и потерапливал, помогал очень дельными советами. Похоже, что он тоже вечерами занимался сравнительной лингвистикой...

И вот мы стоим перед машиной, мерцающей разноцветными огоньками сигнальных ламп. Она негромко басовито гудит, и в этом есть что-то ободряющее и успокаивающее.

Но я все-таки никак не могу успокоиться до той самой минуты, пока передо мной не ложится на стол первый, только что отпечатанный на пишущей машинке лист, и я свободно читаю первую фразу:

«Воистину за сорок лет служения в храме Асклепия немало довелось мне быть очевидцем поразительных проявлений человеческой глупости...»

(Окончание следует)

ГЛЕБ ГОЛУБЕВ

ОГОНЬ- ХРАНИТЕЛЬ

Научно-фантастическая повесть

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

СОПЕРНИКИ

Мы склонны порой причислять полтораумных к полоумным, потому что воспринимаем только треть их ума.

Г. Торо

Вот что было написано в расшифрованной нами рукописи (начало ее, как уже говорилось, к сожалению, немало попорчено, зияют досадные пробелы, но дальше текст сохранился почти полностью)¹.

1.Воистину, за сорок лет служения в храме Асклепия немало довелось мне быть очевидцем поразительных проявлений человеческой глупости. Это....., том, как лег-

Рисунки Н. Гришина

коверна и переменчива людская толпа, и научило истинной мудрости. Без такого знания..... невозможно..... врачеванием не только душ, но и тела, ибо для этого мало уметь, подобно жене египтянина Фона.

Много составить полезных лекарств, но также и ядов².

¹ Возможно, некоторые слова и выражения покажутся слишком современными, — заранее приношу за это свои извинения: перевод был слишком торопливым и еще нуждается в большой доработке. (Примечание А. Скорчинского. В дальнейшем будет помечаться просто: А. С.)

² Стих из «Одиссеи», IV, 230. Перемежать текст стихотворными цитатами из различных поэтов — довольно распространенный обычай античности. Подбор этих цитат свидетельствует как о поэтических вкусах, так и о большой начитанности жреца. — А. С.

И все-таки должен признаться перед всевидящими, всезнающими богами, моя мудрость подверглась серьезному испытанию при появлении этого чужеземца. Мне пришлось приложить немало сил и усердия, чтобы положить предел его опасной и преступной власти, которая могла бы принести городу неисчислимые бедствия....

2. Но следует..... Надо прежде всего признать, что время для своего появления он выбрал весьма удачно. Накануне все жители нашего города стали свидетелями необыкновенного и чудесного знамения. В полдень, при совершенно безоблачном и чистом небе, внезапно раздался грохот, подобный грому, и над горами сверкнула какая-то ослепительная вспышка, гораздо более яркая, чем молния. Казалось, над городом промчалась колесница Фаятона и скрылась где-то в стороне Херсонеса, — многие так и подумали, наблюдая этот небесный блеск и грохот. До самого вечера люди в тот день пребывали в тревоге и растерянности. Время было тревожное, повсюду царил опасения и страх. Доходили слухи, будто в Пантикапее коварный Фарнак восстал против своего отца, великого царя Митридата, и даже лишил его жизни. Римские войска уже появились в стране синдов¹. Вероломные скифы участвовали свои набеги на наши полисы. Какие беды могло еще нам предвещать зловещее небесное знамение? Многие пришли в храм, ожидая услышать оракула. Но и сам я был весьма озадачен таким необычным знамением и не знал, как его толковать.

А между тем, как выяснилось уже на следующее утро, это всемогущие боги предупреждали нас о надвигающейся грозной беде. Рано утром, едва забрезжил рассвет, земля внезапно начала колебаться, словно уподобившись неверной морской стихии. Рушились дома, погребая под собой спящих. С горы.....² сорвалась громадная глыба и повредила часть крепостной стены, разбив катаракту³ одних ворот. Был также поврежден водопровод от горных источников. Храм каким-то чудом остался цел, хотя одна колонна, крайняя справа, и дала широкую трещину, а с крыши обрушилось несколько соленов⁴.

К счастью, земное колебание продолжалось недолго. Потом мы узнали, что в это утро гнев богов поразил не только нас, но и все города Боспорского царства. В Пантикапее был даже сильно поврежден акрополь, и под обломками, сорвавшимися вниз с горы, погибло несколько домов вместе с жителями. У нас жертв было немного, но тревога

¹ Так называли тогда нынешнюю Кубань и Северный Кавказ. — А. С.

² Название горы, видимо, таврское и не поддается расшифровке. — А. С.

³ Катарактой называлась специальная железная решетка, которой закрывались снаружи крепостные ворота. — А. С.

⁴ Солены — большие плоские и широкие куски черепицы. — А. С.

возникла большая. И вот в самый разгар этой сумятицы и появился странный чужеземец¹.

3. Его поймали на горе².... пельтасты³ сторожевого поста, выставленного для охраны от коварных тавров, которые за последнее время совсем обнаглели и участвовали свои набеги на наши виноградники и поля. Потом я сам опросил всех солдат, чтобы..... более точные сведения..... они чужеземца. Но все события..... дня так перепутались в их глухих головах, что особого толку мне не удалось добиться. По словам солдат, чужеземец, когда они бросились на него, не оказал никакого сопротивления. На вопросы отвечал на непонятном языке и все показывал в сторону.....

Как раз в этот момент и началось колебание земли. И тут, по словам солдат, как раз в той стороне, куда показывал знаками чужеземец, снова, как и вчера, раздался страшный гром и грохот, и слепящая вспышка заставила всех закрыть глаза..... броситься на землю, которая поистине сама в этот страшный час не..... надежного убежища. Как в один голос уверяют солдаты, чужеземец повел себя в этот момент словно одержимый: он пытался вырваться и убежать..... слепящая вспышка. Но солдаты не растерялись, крепко держали его, и вскоре он успокоился. Только стал..... В таком состоянии он..... храм.

4. Но теперь следует хоть в нескольких словах описать его странную внешность и одежду..... хотя я и не искусный живописец. Был он, бесспорно, очень уродлив..... голова на маленьком теле, огромные глаза, глубоко запавшие, словно у голодного раба. Руки у него были непомерно длинные, слабые и тонкие. Одежда сшита из неведомых в наших краях тканей. Она выдавала в нем человека богатого и знатного по своему происхождению, так что каждый невольно испытывал перед ним преклонение.

Я встретил чужеземца с поклоном, приказал немедленно развязать ему руки и спросил его божественными стихами Гомера:

«Кто ты такой, человек, кто отец твой, откуда ты родом?»⁴

Он не понимал или ловко сделал вид, будто не понимает. Я повторил тот же вопрос по-скифски, по-таврски и на языке египтян. Он по-прежнему не понимал моих слов, но, кажется, понял жесты, потому что с кривой усмешкой поднял руку, показывая на небо. Солдаты и рабы, прислуживавшие в храме, тотчас же распростерлись перед ним в прахе. Мне тоже пришлось сделать вид, будто верю его божественному происхождению, и поклониться ему, хотя уже тогда я до-

¹ Упоминание о землетрясении делает возможной точную датировку событий: оно произошло, как известно из других источников, весной 63 года до нашей эры. — А. С.

² Название горы опять не поддается расшифровке. — А. С.
³ Так называли легко вооруженных воинов, имевших небольшие щиты — пельты. — А. С.

⁴ «Одиссея», 4, 166. — А. С.

гадывался, что вижу перед собой талантливый обманщик. Разве не поразительно, как ловко он выбрал момент общего смятения для своего появления? Простым, неразумным людям вполне могли внушить мысли о его небесном происхождении и необычная одежда и странный облик, хотя истинного мудреца это не могло бы удивить: какие только чудяща, непохожие на обычных людей, не обитают на границах Ойкумены¹. Ведь рассказывал же достославный Геродот о «народе плешивых» и об антрофагах, питающихся человеческим мясом, или о неврах, оборачивающихся волками. Откуда именно родом был чужеземец, я так и не попытался, потому что он до самого конца упорно отстаивал выдумку о своем божественном происхождении, так что его прозвали Уранидом и он откликался на это прозвище весьма охотно. Но я думаю, что родиной его была страна волшебников — колхов, где, говорят, нередко встречаются люди с подобной кожей². А приплыл он к нашим берегам, видимо, на корабле, обломки которого через два дня выбросило штормом неподалеку от города. Все остальные его спутники погибли. Во всяком случае, солдаты, посланные на розыски, никого не нашли.

5. Но скоро и я готов был верить в его божественное происхождение. Начать с того, что он уже меньше чем через месяц перестал скрываться и начал... хорошо и свободно говорить по-гречески. Так он выдал, что знал наш язык и прежде, только скрывал это, ибо немислимо в столь короткий срок овладеть чужим языком. Он проявил большой интерес к древним рукописям и сочинениям лучших..... которые годами собирал в храме, и целыми днями внимательно читал их, хотя я противился тому, не желая открывать перед..... сокровенные тайны нашей мудрости. Живя в храме, в специально отведенной ему вместительной и удобной комнате, он вообще непрошено вмешивался во все наши дела. Это нередко тяготило меня и выводило из себя, но я старался сдерживаться, ибо воистину следовало проявить терпение и мудрость и использовать для блага храма замечательные способности этого пришельца, а не делать его своим врагом.

А способности его воистину были велики и удивительны. Я унаследовал от отца немало ценных рукописей по медицине. Среди них были два папируса — «О диете при острых заболеваниях» и «О воздухах, водах и местностях», написанных, по преданию, рукой самого Гиппократы. Кроме того, у меня хранился труд Гиппократы «О древней медицине», переписанный рукой одного из ближайших его учеников. Я отлично разбирался в травах, и составленные мною настои всегда приносили облегчение больным.

6. Но особенно я прославился своей великой властью над душами людей. За долгие годы служения Асклепию я хорошо усвоил, какой силой обладает слово. В этом я следо-

¹ Так называли древние греки известный им обитаемый мир. — А. С.

² Страной колхов в те времена греки называли Кавказ. — А. С.

вал мудрым заветам божественного Пифагора, о котором поэт сказал точно, хотя и не так почитательно, как того заслуживает мудрец:

Древний хотел Пифагор великим прослыть чародеем;
Души людей завлекал болтовней напыщенно-звонкой¹.

Немалых успехов я достиг и в астрологии, и в пиромантии², и в скапулимантии, и в рапсодомантии, и в орнитоμανтии, и в гаруспистици. Многих поражало мое искусство онейроскопии и хресмологии³. Издалека, из боспорских городов и даже из Ольвии⁴ приезжали люди, чтобы задавать вопросы нашему храмовому оракулу. В этом деле мне помогал верный раб лидиец⁵ Сонон, отягощенный, к сожалению, многими пороками, но весьма ловкий, — о нем еще будет речь впереди.

Как повелось еще со времен земного пребывания самого Асклепия — до его вознесения на Олимп, в сонм богов, мы успешно излечивали многие недуги священным сном. Но и тут я с помощью всемогущих богов сумел добиться весьма..... успехов. Для погружения в священный сон я первый стал употреблять не только блестящие металлические сосуды или пламя светильника, глядя на которые больные быстро....., но и новые поразительные средства, внушавшие непосвященным трепет. У меня люди засыпали и начинали пророчествовать от звуков гонга или маленького серебряного колокольчика, хотя это, вероятно, покажется многим неправдоподобным⁶.

Но ловкий чужеземец, как оказалось, обладал над человеческими душами таинственной властью, намного превышавшей мои способности и возможности, как ни горько в этом признаться. Вот несколько примеров его чудодейственной силы. Был у одного довольно богатого жителя нашего города Тимагора единственный сын, по имени Посий. Он с детства страдал припадками. И вот во время одного из таких припадков у юноши внезапно отнялась левая нога. Я лечил его травами и различными редкими лекарствами, но ничто не помогало. И тут Сын Неба сотворил подлинное чудо. Уранид

¹ Строки из сатирического стихотворения Тимона Флиунтского, жившего в IV—III веках до нашей эры. — А. С.

² Жрец перечисляет различные виды гаданий, широко распространенных в древности: пиромантия — гадание по огню, скапулимантия — по лопаточным костям быков, рапсодомантия — по наугад раскрытым стихам какого-нибудь поэта, орнитоμανтия — гадание по полету птиц, гаруспистиция — по внутренностям жертвенных животных. — А. С.

³ Гадание по сновидениям и «непосредственному откровению». — А. С.

⁴ Ольвия находилась в устье Днепра, на месте нынешнего города Николая. — А. С.

⁵ Лидия — страна в Малой Азии, на территории современной Турции. — А. С.

⁶ Это же настоящий гипноз! (Примечание Михаила Званцева, в дальнейшем: М. З.)

Судя по некоторым источникам, гипнотические явления были известны уже в глубокой древности и применялись жрецами для религиозного врачевания. Так что удивляться тут нечему. — А. С.

приказал юноше заснуть, и тот заснул. Потом он взял его, спящего, за руку и начал водить по храму, приговаривая: «Ты будешь ходить, ты будешь ходить!» — голосом добрым и властным. Затем приказал ему: «Проснись!» И тот проснулся и, к общему изумлению, сам свободно начал ходить по храму, словно нога у него никогда и не отнималась. Но и этого было мало. Уже не усыпляя его, Сын Неба сказал: «Иди с миром домой, больше припадков у тебя никогда не будет». Юноша вернулся домой, и действительно вот уже полгода у него не было больше ни одного припадка.

7. Велика была его власть не только над людьми, но и над бессловесными животными. Расскажу об одном поразительном случае. У нас в храме был пес хорошей породы, по кличке Аякс. Он привязался к Сыну Неба и буквально ходил за ним по пятам. Однажды перед жертвоприношением мне понадобился колокольчик, который я забыл у себя в комнате. Я хотел послать за ним раба, но Уранид остановил меня словами: «Аякс принесет». Он присел на корточки, взял морду собаки в свои ладони и несколько минут пристально смотрел псу в глаза. Потом он отпустил его. Аякс выбежал из зала и вскоре вернулся с колокольчиком в зубах.

8. Понятно, что я всячески старался использовать такие чудесные способности чужеземца для блага храма и славы божественного Асклепия. Это не нравилось моему главному помощнику, хитроумному рабу-лидийцу Сонону, который первый увидел в чужеземце опасного соперника. От Сонона у меня не было секретов. Он помогал мне наладить сложное устройство, которое при растворении дверей заставляло на расстоянии зажечься священный огонь в алтаре храма или приветствовать входящих в храм торжественными трубными звуками, раздающимися неведомо откуда, как будто с неба. Конечно, Сонон оказывал мне помощь тайно, ибо закон и обычаи запрещают рабам участвовать в религиозных церемониях и жертвоприношениях. Он обладал хорошими познаниями в механике и помог мне устроить в храме и другие сложные механизмы, разработанные мудрейшим Героном для прославления богов в его «Пневматике»¹. Мы устроили, по совету Герона, так, что в момент возжигания священного огня две статуи, стоявшие по бокам жертвенника, сами начинали источать благовонное масло и при этом, совсем как живая, громко шипела и поднимала голову змея, возлежавшая у подножия жертвенника. Это каждый раз приводило в трепет непосвященных.

Всегда помогал мне ловкий раб и при предсказаниях оракула. Чтобы произвести на пришедших большее впечатление, я советовал каждому написать на табличке, что он

¹ В дошедшем до нас в отрывках сочинении под этим названием гениального изобретателя древности Герона Александрийского действительно описаны различные механизмы для «храмовых таинств». Многие из них отличаются большим остроумием и изобретательностью. — А. С.

желает спросить у оракула, а потом собственными руками завязать и запечатать табличку воском, глиной или чем-нибудь еще вроде этого. Я обещал им вернуть таблички нераспечатанными, но уже с приписанным ответом божества. Сонон ходил ко храму, собирал таблички и передавал мне. Он же придумал и способы, как вскрывать таблички, не повреждая печатей. Получив ответ оракула и найдя печать целой и ненарушенной, все удивлялись. Часто в толпе раздавалось: «И откуда он мог узнать, что я ему передал? Ведь я тщательно запечатал, и мою печать трудно подделать; конечно, это сделал бог, который все доподлинно знает». Я был осторожен и благоразумен в ответах, никогда не пророчествуя слишком категорически и определенно. Чаще всего оракула спрашивали о будущем, и я давал такие ответы:

«Целых сто лет проживешь ты на свете и восемь десятков».

Кому не понравится обещание долгой жизни! Кроме того, как я уже говорил, за многие годы служения в храме я научился хорошо читать в человеческих душах. Зная откровенные желания многих жителей города, я смело мог рассчитывать, что предсказания оракула всегда будут правильными и принесут благую надежду вопрошающим. Труднее было отвечать на вопросы о кражах, когда требовалось указать определенного виновника. Но тут мне снова приходил обычно на помощь ловкий раб. Бродя по городу и имея множество дружков на рынке и среди домашних рабов, он всегда был полон..... городских сплетен, и ответы, которые я давал с его помощью, попадали обычно в цель. Для обличения преступника я еще часто пользовался гаданьем с качающимся кольцом, которое также всегда производило очень сильное впечатление на непосвященных. Делал я это так. Раб подсказывал мне, кто из горожан, по слухам, знает имя преступника, но скрывает его. Этого человека приводили в храм, и я давал ему золотое кольцо, подвешенное на тонкой шерстяной нитке. Он держал кольцо в вытянутой руке над чашей, по краям которой были написаны все буквы алфавита. Проходило всего несколько минут, и кольцо по воле всемогущих богов начинало тихонько раскачиваться. Теперь оставалось только следить, над какими буквами оно проходит. Из этих букв, к общему удивлению, постепенно складывалось имя преступника, хотя испытуемый и надеялся сохранить его в тайне¹.

Славились и мои толкования сновидений. Для этого я, как повелось еще со времен самого божественного Асклепия, укладывал человека, желавшего увидеть вещий... в алтаре храма на шкуру жертвенного животного и погружал его в священный сон. Пробудившись, он рассказывал мне, что видел во сне, а я давал объяснения. Но мои толкования

¹ Это «гадание» основано на хорошо изученном теперь наукой явлении идиомоторного акта — произвольных движений, выдающих мысли специально подобранного «гадателя». — М. З.

не были такими расплывчатыми и традиционными, как у других онейромантов, — вроде того, что приводит в своем..... Акклеподор: «Если ремесленник видит, что у него много рук, то это хорошее предвестие: у него всегда будет довольно работы. Кроме того, этот сон имеет хорошее значение для тех, кто прилежен и ведет добропорядочную жизнь. Я часто наблюдал, что он означает умножение детей, рабов, имущества. Для мошенников такой сон, напротив, предвещает тюрьму, указывая на то, что много рук будет занято ими». Не так-то просто применить подобное толкование в наш век общего упадка нравов, когда каждый ремесленник одновременно является и завзятым мошенником. Что же тогда ему сулит множество рук в сновидении: тюрьму или богатство?

Я толковал сны умнее. Погружая человека в священный сон теми способами, о которых уже упоминал, я сохранял свою власть над его душой и в то время, пока она блуждала в царстве теней. Он видел те сны, которые я ему внушал. А внушал я ему лишь то, чего он сам желал наяву, но не сознавал этого, проговариваясь о своих мечтах только близким друзьям и домочадцам. Но и этого было достаточно для чутких ушей моего раба Сонона. Поэтому мои толкования снов всегда приносили людям радость и вселяли приятные надежды.

9. Но чужеземец своими удивительными пророчествами грозил поколебать мою славу. Он умел видеть события и лица людей, находящиеся за сотни стадиев¹ от нашего храма. Однажды пропал семилетний мальчик. Его тщетно искали два дня. Я считал, что ребенок попал в руки тавров, постоянно рыскавших в последнее время в окрестностях города, и так и сказал опечаленному отцу, когда он пришел в храм за прорицанием. Но Сын Неба остановил меня: «Мальчик заблудился в пещере». Он сам повел нас туда, и мы действительно нашли ребенка в пещере, совсем обессиленного от голода и жажды².

За все эти заслуги по моему настоянию экклесия³ постановила выдать ему проксению⁴. Но, как оказалось время, нечестивец отплатил мне злом за мою доброту к нему.

Расскажу еще о различных проявлениях его чудесного могущества. «Зачем ты собираешь травы для этой старухи? Она вовсе не больна, а просто выдумала себе болезнь», — сказал он мне однажды. Потом на моих глазах скатал два шарика из чистого теста..... И таким способом он излечивал

¹ Стадий — мера расстояния в древней Греции. В различных местностях колебался в пределах от 177 до 185 метров. — А. С.

² Судя по некоторым примерам, Уранид обладал хотя и довольно редкими, но вполне объяснимыми с точки зрения современной науки психическими и физиологическими способностями. Но в рассказе жреца правдоподобные данные частенько перемешаны со всякими суеверными выдумками вроде подобных «вещих видений». — А. С.

³ Народное собрание, решавшее все важнейшие государственные дела. — А. С.

⁴ Это именно та табличка с утверждением Уранида в правах гражданства, которую мы нашли при раскопках храма. — А. С.

многих. Он погружал людей в священный сон быстрее и лучше, чем я, не прибегая при этом ни к блеску серебряных сосудов, привлекающих взгляд, ни к звукам колокольчика или гонга, а просто смотря им в глаза. И что особенно поразительно, его власть над людьми продолжалась и после того, как они пробуждались от сна. Он мог им приказать, спящим: «Сделай после пробуждения то или это». И они послушно выполняли его приказание, проснувшись и уже успев вернуться домой.

10. Меня, даже не погружая в сон, он заставил однажды каким-то чудесным образом разучиться писать. Он просто внимательно посмотрел мне в глаза, а потом предложил взять..... и написать что-либо по моему собственному желанию. И, к ужасу своему, я вдруг почувствовал, что не могу написать ни одной буквы. Я забыл, как они пишутся и что означают. Потом он расколдовал меня, и я снова обрел способность писать. А раба Сонона он таким же удивительным способом заставил забыть все, что с ним случилось в минувшем году. Раб помнил все, что было раньше и что произошло с ним месяц или два тому назад. Но ни одного события прошлого года не сохранилось в его памяти. Он не притворялся в этом, войдя в тайный сговор с чужеземцем, чтобы обмануть меня, как можно было опасаться. Признаюсь, чтобы убедиться, не обманывают ли меня, я приказал подвергнуть раба пытке. Но и тогда он не смог вспомнить ничего из событий минувшего года.

Самое удивительное, что Сын Неба мог влиять одновременно на многих людей. Однажды он сделал так, что все собравшиеся в храме вдруг почувствовали удивительно приятный и нежный аромат, наполнивший храм. Люди начали обнюхивать свои руки, одежду, окружающий воздух, ища источник чудесного запаха. В другой раз он сделал сразу до двух десятков людей, также пришедших в храм, свидетелями необыкновенного чуда. Он сел на каменный пол возле жертвенника, держа в руках глиняный сосуд, наполненный землей. Все тесно окружили его. Чужеземец накрыл сосуд платком и довольно долго что-то делал под платком руками, нашептывая непонятные слова. Потом он с довольным видом вынул руки из-под платка и откинулся в сторону, отдыхая. А платок вдруг начал медленно приподниматься, словно под ним было нечто живое. Чужеземец быстрым движением сдернул платок с горшка, и мы узрели чудо: из земли на наших глазах вырастала гибкая виноградная лоза. Она становилась все длиннее. Колдун взмахнул платком, и тогда на лозе появились три или четыре виноградные грозди. Он сорвал одну из них, крепко сжал над подставленным сосудом, и туда тонкой струйкой полилось вино. Это было настоящее вино и очень приятное на вкус — похожее на косское.

Поразительно, что сам он относился к этим чудесам иронически, каждый раз подсмеиваясь над нами, словно рыночный фокусник, раскрывающий перед одураченными тайную механику своих проделок. Я думаю, что в этом проявлялась как непомерная гордыня, так и развращенность его ума,

не признающего ничего святого. Чудесным образом исцеляя больных, как я уже рассказывал, он каждый раз говорил мне: «Если бы ты поменьше почитал божественного Асклепия и получше изучал мудрейшего Гиппократ, то понимал бы, что все болезни имеют естественные причины и исцеляются естественными средствами. Но ты не можешь понять этого, и потому тебе все кажется чудом. Чем же ты умнее любого неграмотного раба?»

11. Следует рассказать и о других замечательных способностях чужеземца. Он умел наносить себе глубокие раны ножом и прокалывать насквозь свои ладони, плечо, бедро длинной и толстой иглой, не испытывая при этом никакой боли. Этот чудесный дар принес ему потом немало пользы, как будет рассказано дальше. Он умел по своему желанию то ускорять, то замедлять у себя биение сердца и даже совсем прекращать его на несколько минут, чему я сам был свидетелем. Однажды он пролежал так в своей комнате три дня и три ночи, не дыша и не подавая никаких иных признаков жизни, словно мертвый. Странно, что при таких поистине удивительных способностях он в то же время отличался очень слабым здоровьем и часто страдал от недомогания. С крепко завязанными глазами он мог различать на ощупь цвета и пальцами читать любую рукопись. Из закрытого мешка чужеземец безошибочно доставал мотки ниток определенного цвета. «Зачем ты распечатываешь таблички? Я могу узнать, что в них написано, не трогая печатей», — насмехаясь, говорил он мне. И действительно, читал без ошибки просьбы к оракулу, не распечатывая табличек. Чтобы испытать его, я спрятал папирус со стихами божественного Еврипида в медную цисту с толстыми стенками. И он прочитал мне стихи, не открывая цисты:

О, радуйтесь..... вы, кому радость дана...
Кто бедствия чужд и не страдает,
Не тот ли меж смертными счастлив? ¹

Некоторые люди обладают чудесной способностью, держа в руках раздвоенную ореховую ветку, определять, где под землей прячутся водяные источники. Но Сын Неба мог без всякой палочки не только точно указать, где протекает подземный поток, но и определить его ширину, скорость, направление движения воды, проследить все его течение.

12. Не удивительно, что среди горожан укрепилась вера в поистине божественное происхождение ловкого чужеземца и его всемогущество. Но особенную славу ему принесло спасение города от набега коварных тавров.

Вот как это получилось. Однажды Уранид сказал мне: «Городу грозит опасность. Я чувствую, как в горах повсюду собираются свирепые воины в бараньих шкурах. Они готовят внезапный набег». А на следующий день он сказал: «Это будет сегодня ночью. Предупреди всех». Признаться, я коле-

¹ Еврипид, Электра, 1428—1430. — А. С.

бался, все еще сомневаясь в его способности видеть то, что происходит якобы в окрестных горах. Но все-таки предупредил стратегов и членов ареопага. Наши воины приготовились к бою. И действительно, ночью тавры напали на город, но были отбиты. Мы даже захватили в плен сына и брата их главного вождя и много других пленных. Экклесия приняла решение в благодарность за чудесное избавление города от беды назвать его Уранополисом, как находящегося под особым покровительством небесных богов. Были отчеканены монеты с благодарственной надписью в честь меня и Уранида¹. Но он презрел эти почести и оскорбил граждан, а меня жестоко высмеял: «Неужели ты всерьез веришь, будто можно в самом деле предсказывать события, которые только произойдут? Дело просто в наблюдательности и умении размышлять над тем, что видишь. Бродя по горам, я заметил вражеских лазутчиков, проследил за ними и понял, что они замышляют. Но чтобы вы поверили предупреждению, его непременно надо выдать за пророчество и откровение богов». В этих словах заключалось явное глумление и над всемогущими богами и над старейшинами ареопага. Но я не решился сообщить о них никому, опасаясь поколебать славу храма и веру в мои пророчества.

13. Понятно, как для меня было важно постоянно держать хитроумного чужеземца при храме. Я видел в нем серьезного соперника и поэтому всячески старался улаживать его. В ссорах Уранида с рабом, который, как я уже говорил, сразу невзлюбил его, я всегда брал сторону Сына Неба. Но чем дальше, тем труднее становилось удерживать его в своей власти. У него было много много странностей. Располагая такими сокровенными познаниями, он был в то же время до неприличия любопытен. Постоянно рылся в храмовых рукописях, которые я имел все основания скрывать от него. Особенно интересовали его труды прославленного Герона из Александрии, по наставлениям которого, как я уже рассказывал, с помощью раба Сонона я устроил несколько колдовских механизмов в храме, всех приводивших в трепет и восхищение. Сын Неба часами возился с этими механизмами, пока я не запретил ему приближаться к ним, опасаясь, как бы он их не сломал. К тому же он стремился разгласить их секрет, доказывая, что ничего чудесного в них нет. Он даже пытался перерисовать чертеж такой машины из «Пневматики» Герона для двух кузнецов, заинтересовавшихся его рассказами, но я вовремя пресек его коварный замысел, спрятав от него все труды Герона.

Вот еще пример его испорченности и коварства: восхищаясь изобретательностью Герона, как он ее называл, Сын Неба в то же время нередко высмеивал и порицал хитроумного александрийца за то, что тот якобы создавал свои машины лишь для забавы или обмана легковверных в храмах. «Если бы он поставил хотя бы свой гениальный эолипил на корабль, чтобы приводить его в движение без пару-

¹ Как просто, оказывается, раскрывается мучившая меня загадка! — А. С.

сов и весел, или заставил вращать жернова на мельнице, тогда бы он принес гораздо больше пользы своему народу», — говорил Уранид. Не свидетельствует ли это лишний раз о его неразумности? Уж если что-нибудь из творений Герона и можно назвать игрушкой, то это именно забавный, но никому не нужный «Эолов мяч»¹.

Он даже сам попытался построить довольно большой эолипил и приспособил его вращать рукоятку колеса у колодца на одном из виноградников храма. Это было забавно, но я приказал сломать сооружение и черпать воду по-прежнему, потому что рабы, приставленные к колодцу, начали бездельничать и только скалили зубы, вместо того чтобы работать. Однако тайком от меня, как сообщил мне верный Сонон, чужеземец продолжал строить какие-то машины, совсем забросив лечение больных и участие в предсказаниях, а в этом на помощь его я сильно рассчитывал. Теперь он мало времени проводил в храме, начал целыми днями бродить по городу, заводя долгие беседы не только с простыми ремесленниками, но даже с рабами. Я несколько раз говорил, что таким поведением он внушает людям сомнение в собственной мудрости. Но он только смеялся в ответ. А в другой раз на подобное замечание он докучливо отмахнулся и ответил мне словами героя Гомера:

«Я ведь не бог — и бессмертным меня ты считаешь напрасно...»².

Наглость его становилась нестерпимее с каждым днем. На городских площадях он говорил о том, что рабы такие же люди, как и свободные, и поэтому противно человеческой природе притеснять их и заставлять подневольно трудиться. Возвращаясь в храм, он при посторонних высмеивал мои гадания и пророчества, показывал непосвященным, как устроен механизм, заставляющий зажигаться жертвенный огонь, когда открывались входные двери. Он глумился над мудрыми откровениями божественного Пифагора и противопоставлял ему нечестивца Эпикура, проклятого богами за свое неверие. В своей комнате он даже написал на стене гнусный совет этого лжефилософа, но я приказал соскоблить надпись и заново побелить стену³. Он мечтал о том, чтобы объединить греков с таврами, скифами и другими варварами, и придумал для этого новый язык, чтобы им могли пользоваться и..... племена, не имеющие даже своих письменных летописей и потому бессильные хранить и передавать новым поколениям мудрость отцов. Этот новый язык оказался действительно весьма простым и удобным, свидетельством чему может служить хотя бы то, как легко и свободно я излагаю

¹ В этом споре правда целиком на стороне Уранида: знаменитый «Эолов мяч» Герона Александрийского был, собственно, первой в мире паровой турбиной. — М. З.

² «Одиссея», XVI, 187. — А. С.

³ Вероятно, имеется в виду знаменитое «Четверное средство», так сформулированное Эпикуром в его «Главных мыслях»:

«Нечего бояться богов.

Нечего бояться смерти.

Можно переносить страдания.

Можно достичь счастья». — А. С.

на нем все свои мысли в этой рукописи. В то же время он был совершенно непонятен для непосвященных, делая наши мысли скрытыми от чужого глаза и ушей. Полезное изобретение, но разве можно его отдавать иноплеменным варварам?!¹ А ведь он только для этого и создал новый язык. Разве это не говорит сразу и о его глупости и о его коварных намерениях?

Я понимал, что он стремится поколебать мою славу, выжить меня из храма и занять место главного жреца. Надо было тщательно продумать, как предотвратить это и обезопасить себя от коварного чужеземца. Раб предлагал просто убить его. Но мне было жалко расстаться с таким умелым помощником, и я решил подождать, попытаться еще раз удержать его в своей власти, понимая, сколько неисчислимых выгод принесло бы это храму. Но коварный Уранид опередил меня. Однажды утром он ушел из храма, оставив коротенькую записку о том, что благодарит меня за гостеприимство и будет отныне жить в городе. Тогда я понял, что он вернется в храм, лишь выгнав меня отсюда и обесславив. Война была объявлена.

14. Прежде всего я позаботился показать всем, что именно храм остается тем местом, где происходят чудеса. Я провозгласил, что боги отвернулись от Уранида за его нечестивые мысли и изгнали из храма. Отныне на мне покоится милость богов. Когда весь храм был заполнен народом, по данному мною сигналу оракул изрек:

Я почитать моего толкователя повелеваю;
Я о богатстве не слишком забочусь: пекусь о пророке.
Слушайте, люди, его!

Но чужеземец тоже не упустил случая показать свою власть. Большую славу принесло ему чудесное исцеление одного раба, по имени Мосихон. Раб этот страдал заболеванием, поистине странным и загадочным. Шестнадцати лет, работая однажды на винограднике, он увидел внезапно выползающую из кустов большую змею. Он так испугался, что потерял сознание и упал. Змея не тронула его, но, когда он очнулся, ноги отказались ему служить. Кроме того, у него помутился разум. Он считал себя девятилетним мальчиком и вел себя соответственно: бросал камнями в птиц, водился с мальчишками и избегал взрослых. При этом он начисто забыл все, что с ним произошло и чему он научился после..... девятилетнего возраста. Поскольку ноги у него отнялись, хозяин приказал перевести его на работу в свою портновскую мастерскую, где Мосихон начал заново учиться ремеслу. Года через два он снова пережил большой испуг: в доме начался пожар, и раб, опасаясь, что его, беспомощ-

¹ Я был прав! Не напоминают ли эти разглагольствования хитрого жреца те доводы, которые приводил, возражая мне, уважаемый А. Скорчинский?! — М. З.

ного, не успеют вытащить из огня, от ужаса опять лишился сознания. Его спасли товарищи-рабы и привели в чувство. И тут с ним произошла вещь поистине удивительная. Ноги у него снова стали действовать, словно никакой болезни и не было. Он опять вспомнил всю свою жизнь до встречи со змеей на винограднике. Но зато совершенно забыл о времени, проведенном в мастерской, и даже разучился шить! Всем стало ясно, что в несчастного попеременно вселяются чьи-то чужие души. Я взял его в храм и различными способами пытался изгнать.... души прочь. Но тщетно! Испуганный хозяин предложил мне убить.... раба. Однако Сын Неба взял его под свою защиту. Он усыпил его не в храме, не на священной шкуре жертвенного животного, а прямо на берегу моря, в окружении огромной толпы народа, что-то долго шептал ему на ухо, поглаживая пальцами по лицу спящего, и потом властно сказал: «Вставай, тебя ждет работа!» Мосихон вскочил как ни в чем не бывало и отправился в мастерскую, где тут же опять начал проворно шить с прежним искусством. Теперь он все помнил и был совершенно здоров. Я бы подумал, что он вступил в сговор с чужеземцем, дабы всех провести, если бы не знал..... истории его странной болезни, как и каждый человек в нашем городе. С тех пор этот Мосихон очень привязался к чужеземцу; и тот даже выкупил его у хозяйна мастерской, справедливо опасавшегося держать в своем доме раба, в которого в любой момент снова могла вселиться чья-нибудь блуждающая душа.

После этого чужеземец все больше и больше..... стал сблизжаться с рабами. Он лечил их без всякой платы. Он даже нередко отправлялся за город и проводил там целые дни среди рабов, трудившихся на виноградниках или в каменоломнях. Он и там пробовал, по слухам, строить какие-то машины, помогавшие без особого труда поднимать большие тяжести, пока рабы бездельничали, укрывшись от надсмотрщика. Такая дружба беспокоила многих людей в городе, еще помнивших восстание скифов-рабов под водительством коварного Савмака. Используя это беспокойство, я начал распускать слухи, будто чужеземец также мечтает возмутить рабов, перебить всех свободных и создать на Киммерийском полуострове государство варваров.

Мне помог случай. В горах....., где находился один из источников, питающих городской водопровод, Сын Неба непостижимым образом обнаружил большую золотую жилу. Как рассказывают очевидцы, он просто попросил у Тимагора, сына которого, Посия, вылечил в свое время от паралича ног, как это уже рассказывалось, четверых рабов на один день. Сын Неба привел их в горы, к роднику, и приказал: «Копайте здесь!» Сделав только несколько ударов молотом, один из рабов..... нашел крупный золотой самородок. Чужеземец хотел использовать это богатство для того, чтобы купить себе несколько рабов у различных хозяев. Но я намернул номофилакам¹, что это лишь первый шаг, а затем

¹ Коллегия номофилаков следила за правильным исполнением законов и вносила новые на рассмотрение народного собрания. — А. С.

Уранид попытается освободить всех рабов. Сына Неба вызвали на суд ареопага, который потребовал от него немедленно сдать все золото в казну, поскольку оно найдено на городской земле, возле общественного источника. Против ожидания ловкий чужеземец не стал против этого возражать. «Я уважаю общественные интересы и не пойду против них, хотя бы и следовало, по-моему, считаться и с интересами рабов, которые также являются полноправными членами общества. Забирайте ваше золото, если вы его так любите», — сказал он. Но, говорят, покидая ареопаг, добавил, так что его могли слышать многие: «Ничего, я найду новые залежи на ничьей земле». Найденное им золото пришлось очень кстати, потому что казна сильно отоцала. Все за это благодарили Уранида, я же опять остался в стороне. Поистине трижды был прав поэт, когда сказал:

Одно лишь злато над людьми имеет власть.

Так я вместо ожидавшейся победы снова временно потерпел поражение. Его власть укреплялась и росла, моя — умалялась и падала. Часто я в то время повторял горькие слова поэта:

Все когда-то ликовали, а теперь меня всегда
Злобным взором провожают, словно я их злейший
враг ¹.

Но вот однажды у меня в памяти промелькнул другой стих — те самые слова, которыми как-то ответил мне Сын Неба, когда еще мы были с ним дружны и я выговаривал ему за мальчишеское любопытство, недостойное мудреца.

«Я ведь не бог — и бессмертным меня ты считаешь напрасно...»

Эта мысль посещала меня все чаще и чаще. А вместе с ней и другая:

«Всякое тело должно подчиниться смерти всемогущей...» ²

В самом деле: если я хотел сохранить свою власть и не дожидаться, подобно глупой овце, пока меня выгонят из храма или сделают помощником этого проходимца, мне следовало действовать решительно и быстро, не колеблясь.

15. Преданный раб Сонон, испытавший немало насмешек чужеземца, вызвался с готовностью помочь мне. Он выследил, что Уранид облюбовал себе одно место, где на самом берегу моря была небольшая пещера. Здесь он любил сидеть порой целыми днями, ничем не занимаясь и глядя на море. Когда начинался дождь, Сын Неба забирался в пещеру. Там мы его и решили подкараулить и убить. Место было глухое, рабы с ближайшего виноградника не услышали

¹ Стихи эти принадлежат, вероятно, Солону, который был не только выдающимся законодателем, но и талантливым поэтом. — А. С.

² Строчка из оды Пиндара. — А. С.
Ловко он стихами прикрывает свою подлость! — М. З.

бы крика. И все подумали бы, что чужеземца подкараулили и убили тавры. Чтобы укрепить всех в такой именно мысли, мой хитрый Сонон даже специально раздобыл таврский кинжал и дротик с костяным наконечником, собираясь подбросить их возле трупа. Так мы предполагали, но я забыл слова поэта:

Многое Зевс на Олимпе решает,
Но многое боги дают сверх надежды...
И то не приходит, чего ожидаем¹.

Несколько дней подряд Сонон выслеживал Сына Неба за городской стеной, но неудачно. Потом он где-то подслушал, что на следующее утро чужеземец намеревается отправиться именно в то укромное место, где мы предполагали устроить для него западню. В тот вечер я от волнения долго не мог уснуть, а когда, наконец, забылся,

...в тишине амбросической ночи
Дивный явился мне Сон²,

до того отчетливый и ясный, что ни в чем не уступал истине. Еще и теперь перед моим взором стоят образы, которые я в ту ночь увидел, и сказанное звучит у меня в ушах.

Я увидел как будто пещеру, слабо озаренную смутным, неясным светом, который лился откуда-то сбоку. В этом подземелье где-то протекал ручей: я отчетливо слышал тихое журчанье воды. Потом передо мной возникла тень. Она приблизилась, и я узнал своего раба Сонона. Он озирался по сторонам, словно ища себе уголка поукромнее и потемнее. Откуда-то сверху покатился камень. Я отчетливо слышал его стук. Сонон спрятался за обломком скалы. И тут вдруг раздался негромкий зловещий смех. Я узнал голос чужеземца. Потом он произнес какие-то непонятные слова на неведомом мне языке. Свет в пещере внезапно померк. И в наступившей кромешной тьме я услышал отчаянный крик Сонона: «Хозяин, я пропадаю, я пропадаю!..»

Я вскочил на своем ложе, обливаясь холодным потом. Было уже утро. Я понял из этого вещего сна, что чужеземец каким-то колдовским способом разгадал наши планы. Надо было предостеречь Сонона, чтобы он сегодня не напал на Сына Неба. Но сколько его ни искали по моему приказанию по всей усадьбе храма, нигде не могли обнаружить. Сторож сказал, что раб куда-то отправился еще до зари. Так велика была его жажда мести, что он слыхком поспешил навстречу своей гибели. А в том, что ему суждено нынче погибнуть, я уже не сомневался после вещего сна. Послать других рабов ему на выручку к пещере я не мог. Сделать так — значило бы открыть свой замысел

¹ Еврипид, Медея, 1673—1675. — А. С.

² «Илиада», II, 56. — А. С.

перед всем городом, большинство жителей которого очень почитало чужеземца. Мне оставалось только терпеливо ждать воли всемогущих богов. Теперь я окончательно был убежден, что наш план не удался и мой верный раб сам попал в коварную засаду и наверняка лишился жизни. В самом деле, его никогда больше не видели. На следующий день я для отвода глаз объявил, будто он убежал от меня, и отправил воинов на поиски в различные места. В том числе я поручил им осмотреть и окрестности пещеры, выбранной нами для засады. Но никаких следов пропавшего раба так и не удалось обнаружить. А вечером того же дня мне повстречался на улице Сын Неба. Усмехнувшись, он сказал: «Я слышал, что ты лишился самого преданного помощника. Жаль. Как же ты теперь станешь пророчествовать без тако- го оракула?» Его глаза при этом были красноречивее слов. Я прочитал в них угрозу. Победа опять оказалась за ним, и я мог ожидать теперь от него всяческих козней. Они не замедлили последовать.

Какие-то странные вещи начали твориться со мной. По ночам меня часто мучали кошмары. Я попадал в..... подземелье и задыхался. На меня обрушивались громадные глыбы и придавливали меня. В одну из ночей мне приснилось, будто в комнату вползла большая змея. Как ни старался я от нее скрыться, она ужалила меня прямо в грудь. Тут я с криком проснулся. А через три дня у меня на груди, как раз в том месте, где ужалила приснившаяся змея, образовалась маленькая, но очень мучительная и долго не заживающая ранка¹. Тогда я понял, что и этот сон был вещим. Всеблагие боги слали мне с Олимпа новое предупреждение об опасностях, угрожающих мне со стороны коварного чужеземца. Я все-таки не внял этому мудрому предупреждению и продолжал с ним борьбу, хотя и тайную, скрытую, распуская всяческие тревожные слухи и стараясь восстановить против него побольше жителей города. Он только насмешливо улыбался, встречаясь со мной. Я понимал, что он прекрасно читает мои мысли и готовит ответный удар.

Я снова не внял предупреждению неба. Какая-то поистине злая сила подтолкнула меня опять нелестно отозваться о Сыне Неба. Донесли ли ему об этом или он сам подслушал мои слова, оставаясь на другом конце города, чему я также вполне верю, — во всяком случае, ответный удар не заставил себя ждать. В тот же вечер, намереваясь прочитать молитву, я вместо нее вдруг, к общему удивлению и собственному ужасу, во все горло запел посреди храма развратную милетскую песню, слова которой даже не решаюсь привести тут. Я понимал, что совершаю святотатство, но ничего не мог поделать с собой, пока так, с песней, не выбежал из храма и не уединился в углу двора. Этот

¹ Речь идет, видимо, об известных современной медицине случаях «мнимого удара» (как и «ложного ожога» на следующей странице) под влиянием внушения. — А. С.

случай, вызвавший в городе всеобщее возмущение, наполнил мою душу ужасом. Я понял, что не смогу бороться с таким коварным и могущественным противником.

Не надо львенка в городе воспитывать.
А вырос он — его придется слушаться¹.

Сын Неба начал строить какую-то хитрую машину. Она напоминала громадные крылья птицы или, скорее, исполинской бабочки. Рабы поговаривали, что на этих крыльях он собирается летать². Тогда я через оракула объявил, будто боги гnevаются на столь нечестивые замыслы и повелевают мне разрушить машину. Окруженный стражей и в сопровождении многих знатных людей, я отправился к дому, где жил чужеземец. Едва я протянул руку к машине, Сын Неба крикнул: «Не тронь, иначе обожжешься!» Я испугался, но все-таки в великом гневе не внял его крику и схватился за деревянный переплет крыла, на который он натягивал бычью кожу. В то же мгновение на ладони моей вздулся большой волдырь, словно действительно от сильного ожога, хотя готов поклясться всеми богами, что дерево было совершенно холодным и даже сыроватым на ощупь. При виде такого колдовства толпа забросала губительную машину камнями.

Три дня после этого Уранид не показывался в городе: видно, залечивал раны. А я тем временем пророчествовал в храме, что Сын Неба намеревается открыть городские ворота таврам, перебить всех свободных людей и установить в городе власть рабов, как это сделал в свое время Савмак в Пантикапее. Боги требуют, вещал оракул, чтобы колдун был заключен в цепи и помещен в темницу при храме, ибо только я смогу держать его в подчинении и с помощью всемогущих богов обуздать его чудодейственную власть. И я добился своего. Ареопак большинством голосов решил заковать чужеземца в цепи и держать под моим надзором в темнице при храме.

16. Так мы решили, и я уже торжествовал полную победу. Но боги — или злые силы, помогавшие колдуну, — снова расстроили наши планы. Я приказал заковать его покрепче и бросить в самую надежную темницу. А ключ от нее для предосторожности отдал тайком своим друзьям, наказав при этом, чтобы они не отдавали мне его, как бы я ни просил. Ведь, пользуясь своей могучей колдовской силой, он мог внушить мне мысль, чтобы я открыл темницу и выпустил его на свободу. Друзей же я выбрал нарочно таких, которых он не знал в лицо и не мог поэтому внушить им свои мысли.

Мои опасения оправдались. Вот уже третий день он ищет меня, и под натиском внушенных им мыслей, постоянно толкающих меня на самые неожиданные поступки,

¹ Аристофан, Лягушки, 1432—1433. — А. С.

² Выходит, старый авиамоделист Алик Рогов был прав! — М. З.

я все больше прихожу в ужас. Кто у кого в плену? Да, он сидит на цепи в темнице. Но моя воля скована им, я его раб, я больше не принадлежу себе. Сегодня утром он снова заставил меня прийти к окошку в дверце темницы и заявил, что имеет очень важное сообщение для еkkлeсии. Мне он его сообщить отказался — только народному собранию. Я опять почувствовал, что испытываю непреодолимое желание тотчас же выпустить его и привести на агору, и в панике убежал подальше от храма, чтобы не поддаться этому желанию. Я знаю, что он хочет. Он сумеет подчинить своей ужасной воле все народное собрание, и его не только освободят, но и сделают главным жрецом. Выпустить его на волю с такими могущественными способностями?

О нет! Моя рука их похоронит...

...На этой цитате из трагедии Еврипида «Медея» (стих 1619-й) обрывается найденная нами рукопись, хотя дальше еще идет довольно большой кусок чистого, неисписанного папируса.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

СКВОЗЬ ДАЛЬ ВЕКОВ

*В трудных обстоятельствах
сохраняй рассудок.*

Гораций

1

ЗВАНЦЕВ. Ну, мой почтенный крот, что ты скажешь об этом любопытном документике?

СКОРЧИНСКИЙ. Документике! Ты даже отдаленно постигнуть не можешь, какую ценность он для нас представляет!

ЗВАНЦЕВ. Подумаешь, занимательная байка о склоках двух древних жуликов!

СКОРЧИНСКИЙ. Вот, вот! Многие, не занимающиеся специально античной историей, наверное, так его и расценят: «Занимательный документик, довольно занятный, знаете ли, рассказ о кознях хитрого жреца, пытавшегося выжить из города своего соперника две тысячи лет назад...» А для нас это просто клад. Сколько тут интереснейших сведений, тонких деталей, которые просто недоступны твоему пониманию!

ЗВАНЦЕВ. Ладно, не будем переходить на личности. Вернемся к нашим древним героям. Откуда же он все-таки взялся, этот загадочный Сын Неба?

СКОРЧИНСКИЙ. Это меня тоже больше всего интересует.

ЗВАНЦЕВ. А почему? Что в нем такого особо удивительного? Ловкий фокусник и обманщик, больше ничего!

Ты ведь, помнится, говорил мне, что в те суеверные времена таких проходимцев немало бродило по свету. Еще приводил мне в пример легендарного Аполлония Тианского с его липовыми чудесами: поразительные пророчества, воскрешение мертвых, способность переноситься по воздуху в любое место, — да он сто очков вперед даст нашему Сыну Неба! Почему ты молчишь?

СКОРЧИНСКИЙ. Слушаю и восхищаюсь твоими быстрыми успехами в античной истории.

ЗВАНЦЕВ. Ну, а без трепла, — о чем ты думаешь?

СКОРЧИНСКИЙ. Не забывай, что жрец писал только для себя, зашифровывал свои записи. Значит, он был искренен и вовсе не склонен сочинять какие-то пустые байки о вымышленных чудесах. Верно? И напрасно ты называешь этого странного пришельца ловким обманщиком. Есть в его поведении немало загадочного, заставляющего серьезно задуматься. Зачем, например, ему понадобилось создавать какой-то новый язык для укрепления дружеских связей между греками и соседними племенами?..

ЗВАНЦЕВ. Ты даже не поверил в возможность этого, а я оказался прав насчет этого древнего языка.

СКОРЧИНСКИЙ. Я потому и не мог поверить, что такая идея казалась мне совершенно невероятной для тех времен. Но ведь это факт. И другие его поступки заставляют крепко задуматься. Большой интерес к технике, попытки создать какие-то машины, чтобы облегчить труд рабов. И в то же время высмеивает суеверия, разоблачает всякие проделки жреца. Как хочешь, а круг его интересов показывает, что это был вовсе не какой-то шарлатан, а пылливый исследователь.

ЗВАНЦЕВ. Не забывай еще о том, как он пытался создать какую-то летательную машину, обломком которой нашел Алик Рогов! Жалко, что от нее так мало осталось, невозможно представить конструкцию. Вряд ли это был планер — скорее нечто вроде орнитоптера. Но все равно: человек, задумавший две тысячи лет назад создать орнитоптер, имел гениальную голову на плечах. Это ему, конечно, не удалось бы — над подобной задачей до сих пор бьются инженеры. Но размах его мне по душе, настоящий изобретатель. Ты прав: это была какая-то незаурядная личность. Слушай, я бы не удивился, если бы он в самом деле оказался Сыном Неба.

СКОРЧИНСКИЙ. Космическим гостем?

ЗВАНЦЕВ. Да! Вспомни, как описывает жрец его появление: страшный грохот и вспышка на безоблачном небе, словно промчалась колесница легендарного Фазтона. Очень похоже на приземление космического корабля!

СКОРЧИНСКИЙ. Но не мог же он высадиться один. Куда же делись остальные?

ЗВАНЦЕВ. Погибли, попали в плен к таврам, улетели в аварийном порядке, позабыв про него, когда началось землетрясение, — почему я знаю? Надо искать, копать дальше, идти по его следам! Где, кстати, проволока, которую ты нашел в пещере?

СКОРЧИНСКИЙ. Ты же знаешь: отдал в милицию.

ЗВАНЦЕВ. Молодец! Надо ее немедленно оттуда вызволить. Мне почему-то кажется, что она как-то связана с этим Сыном Неба...

СКОРЧИНСКИЙ. Мне тоже. Я же тебе рассказывал, что у этого скелета была какая-то необычная, лобастая голова. Да вот тебе фотография, посмотри сам.

ЗВАНЦЕВ. Вполне подходит под описание жреца. И помнишь: жрец пишет, что Уранид уединяется для размышлений в пещерах? Может, это ты его череп нашел в пещере и превратил в кучу пыли, растяпа?! Теперь проволоку не погуби. Как только приедешь, заведи ее из милиции и высылай мне. Мы тут проведем анализы. А сам не трогай, упаси тебя бог!..

СКОРЧИНСКИЙ. Ладно.

ЗВАНЦЕВ. А мне тут, чтобы не скучать, дай еще черепков из твоих коллекций.

СКОРЧИНСКИЙ. Можешь ты, наконец, сказать, зачем они тебе нужны?

ЗВАНЦЕВ. Я же тебе говорил: совершенствуем метод палеомагнетизма. Ясно? А подробнее объяснять — все равно не поймешь, голова у тебя слишком гуманитарная.

СКОРЧИНСКИЙ. Ладно, ладно... А ты не мог бы экспериментировать с какими-нибудь другими материалами? Зачем тебе нужны образцы именно из наших коллекций? Они же наперечет.

ЗВАНЦЕВ. Слушай, не будь таким Плюшкиным в квадрате. И это после того, как мы помогли тебе расшифровать столь уникальную рукопись. О черная неблагодарность!

2

Рассказывает Алексей Скорчинский

С Мишкой я не особенно распространялся об одолевавших меня раздумьях, опасаясь его насмешек: «Ага, ты отказываешься от своих прежних возражений? А так яро спорил! Где же твоя принципиальность, ученый крот?»

Неужели это был небесный пришелец? Чем больше я вчитывался в рукопись жреца и размышлял над ней, тем чаще возвращался к мысли, казавшейся поначалу совершенно невероятной.

В самом деле: чудесное появление чужеземца, как его описал жрец, весьма напоминало картину приземления какого-то космического корабля. Он сел благополучно, высадил разведчиков. И надо же было случиться этому злополучному землетрясению: конечно, корабль был вынужден в аварийном порядке стремительно взлететь снова, оставив на произвол судьбы своего отважного и любознательного разведчика, ставшего из-за этого вдруг одиноким пленником на чужой планете — и без всякой надежды на возвращение домой!

Можно себе представить, какую бурю чувств пережил в этот поистине трагический момент Сын Неба, когда под

ногами у него внезапно заходила ходуном земля, он услышал вдруг рев заработавших двигателей и увидел, как родной корабль, пронесший его невредимым среди звезд, все увеличивая скорость, взмывает без него в голубое небо...

Какая поразительная, нелепейшая, если вдуматься, случайность: благополучно преодолеть миллионы километров межпланетных просторов, где, казалось бы, на каждом шагу подстерегает куда больше всяких опасностей — и метеоры, и космическое излучение, и поля радиации, — и выбрать для посадки роковой момент землетрясения! Едва не погибнуть в самый волнующий и торжественный момент встречи с неведомой цивилизацией!

Конечно, Сын Неба вполне мог оказаться в одиночестве. И какая поразительная, поистине трагическая судьба, если вдуматься, выпала на его долю! Промчатся меж звезд — и очутиться одному на неведомой планете. Обладать удивительными способностями — и быть принятым за волшебника, проходимца, каких немало было в те времена. Страстно хотеть помочь людям — и натолкнуться на полное, абсолютное непонимание.

Вот какое соображение особенно укрепляло меня в этих мыслях. На первый взгляд оно может показаться парадоксальным, но, если вдуматься, — очень важно: именно то, что Сын Неба оставил так мало заметных следов своего пребывания на Земле, и убеждало меня в возможности его высадки с космического корабля. Ведь что утверждали авторы всяких гипотез о космических пришельцах, которые я всегда начисто отвергал и высмеивал? Что эти небесные гости, пожаловав на нашу планету, моментально переворачивали тут всю историю, одним махом создавали новые цивилизации, становились даже чуть ли не основателями всего рода человеческого. С точки зрения серьезной науки это, конечно, чепуха.

Но вот так — без особого шума, без каких-нибудь заметных перемен в давно устоявшемся быте местных народов, обладавших своей древней культурой, — так, пожалуй, вполне мог совершиться эпизодический визит на Землю гостей из других миров. И не многих гостей, а всего лишь одного, — в том-то и дело!

Мне пришли на память заключительные строки лермонтовской чудесной «Тамани». Помните, как размышлял Печорин о своем приключении среди «честных контрабандистов»: «Как камень, брошенный в гладкий источник, я встревожил их спокойствие, и, как камень, едва сам не пошел ко дну!» Так и с Сыном Неба: круги быстро разошлись, и вода опять стала спокойной и гладкой. Как теперь в ее глубине отыскать его следы?

Я думал об этом по дороге в Крым, а добравшись до базы, вопреки всем своим давним привычкам не пошел на раскопки, первым делом отправился в милицию.

— Хорошо, что вы приехали, — сказал мне следователь, доставая из шкафа довольно тощую папку. — Уж несколько повесток вам посылали. Надо вам протокол подписать, вы же первый обнаружили этот скелет и сообщили о нем.

А из-за этого я никак дело закрыть не могу.

— Ну, а что-нибудь выяснить удалось?

Лейтенант меланхолично пожал плечами.

— Судя по обывзвествлению остеологического материала, человек погиб никак не меньше десяти лет тому назад. Может быть, еще во время Отечественной войны, тогда многие скрывались в пещерах. Теперь за давностью лет не узнаешь.

— Вы его там и оставили?

— Кого?

— Да скелет.

— Нет. Скелет прямо рассыпался в руках. Пришлось укреплять кости особым составом. После исследования экспертом остеологический материал захоронили как положено.

Так, значит, от странного скелета с уродливым черепом теперь ничего не осталось, кроме этих фотографий...

Мне стало тревожно и горько.

Я бегло пробежал глазами протокол: «18 сентября сего года в РО милиции явился гр. Скорчинский А. Н., назвавшийся начальником археологической экспедиции Института археологии Академии наук, и сделал следующее заявление:

Накануне, то есть 17 сентября сего года, при осмотре с научными целями одной из пещер на берегу моря к юго-западу, неподалеку от поселка, им был обнаружен скелет неизвестного человека. Тут же был обнаружен металлический стержень, напоминающий ручку самодельного ножа, обмотанный проволокой...»

— Кстати, а где эта проволока? — спросил я.

— У меня, среди вещественных доказательств.

— Меня просили выслать ее в Москву для анализа в один научный институт.

— Криминалистический?

— Да, они занимаются и криминалистикой, — туманно ответил я.

— От них должен быть запрос.

— Ну, не будем такими формалистами. Они запрос потом пришлют, я же не знал, что так полагается.

— Вообще-то не разрешается, — нерешительно сказал лейтенант.

— А что вы с ней собираетесь делать, когда закроете дело?

Он пожал плечами.

— Да ликвидируем все вещественные доказательства за дальнейшей ненадобностью.

— Выбросите, попросту говоря?

— Не хранить же вечно, у нас склада нет.

— Вот и отдайте мне, а я вам расписку дам.

Лейтенант порылся в шкафу, достал большую картонную коробку, а из нее — проволоку на металлическом стержне и, завернув в бумажку, передал мне. Я написал расписку, подмахнул протокол и отправился прямо на почту, чтобы сразу же отправить проволоку Мишке в Москву.

Теперь оставалось одно: терпеливо ждать. Но разве это возможно, когда речь идет о таких загадках!..

Я не удержался и решил обследовать место, где, по ту-

манным указаниям в рукописи жреца, мог приземлиться космический корабль. Поиски никаких результатов не дали да и не оставили надежды на будущее. Берег моря здесь подвержен оползням и, конечно, сильно изменился за двадцать веков. До сих пор сохранились еще следы резких сдвигов пластов земли, случившихся во время последнего землетрясения 1929 года, а одно из селений поблизости так и называется: Оползневое. А сколько раз тут сотрясалась земля и сдвигались верхние слои почвы за минувшие двадцать веков?

Нет, искать следовало только вокруг храма. И очень точно сначала наметить план дальнейших раскопок, а для этого еще не раз внимательно проштудировать рукопись жреца, чтобы выбрать правильный путь и не копать вслепую.

Снова и снова я внимательно вчитывался в каждую фразу, стараясь не пропустить ни одной мелочи, которая могла бы оказаться важной. Судя по значению храма, по именам ремесленников, упоминавшимся в рукописи, город был, видимо, крупнее, чем мы до сих пор предполагали, и занимал, вероятно, большую площадь. Чтобы проверить это, я наметил заложить несколько разведочных раскопок на восточной окраине современного поселка, где мы прежде не копали: возможно, тут, на не застроенных пока еще участках, удастся найти остатки городских стен или каких-нибудь древних зданий. Следовало также еще лучше раскопать все развалины храма и ближайшие окрестности. Во-первых, я надеялся найти еще неизвестные другие тайники: вряд ли хитрый жрец ограничился одним. Во-вторых, было весьма заманчиво отыскать и темницу при храме, в которую жрец заключил своего поверженного противника, загадочного чужеземца. Вдруг там сохранились надписи на стенах, какие обычно делают заключенные, пытаясь скоротать время?

Перечитывая в какой уже раз рукопись и долгими часами размышляя над ней, я почти выучил ее наизусть. И как-то сжился, я бы даже сказал, сроднился с людьми, которые жили здесь, вот на этом каменистом берегу, двадцать веков назад, выращивали виноград, давили из него вино, устраивали пиры, торговались на рыночной площади, верили всяким ловким проходимцам, почитали оракулов, соперничали за власть. Мое разыгравшееся воображение рисовало живые картины минувшей жизни. Жаль, что я не романист! Как можно было бы расписать все перипетии борьбы Уранида с хитрым жрецом на пестром и живописном фоне жизни греческого городка — отличный бы получился плутовской роман в духе Апулея.

Загадки, давно мучившие меня, теперь были разгаданы. Я узнал, почему жители города вдруг переименовали его в Уранополис, почему в честь этого события начеканили монет с изображением бога Асклепия и небесных светил. Раскрылась и тайна загадочного языка, доставившая нам так много хлопот.

Все стало ясным. И странное дело: я испытывал от этого не только вполне естественную радость открытия — и грусть

тоже. Как ни говори, все-таки несколькими загадками на свете стало меньше.

Но зато какая поразительная загадка маячила впереди! Неужели мы и впрямь попали на след космических гостей?

Мы повели раскопки сразу на нескольких участках. Заверкали на солнце наши лопаты, навалились повседневные будничные хлопоты по расстановке рабочих, добыванию продуктов подешевле, чтобы сэкономить побольше и за счет этого растянуть срок работ. Меня с головой захлестнула деловая текучка.

Уже начались с новичками смешные происшествия, без которых не обходится ни один раскопный сезон, — верный признак, что работа стала входить в нормальную колею.

Вечером у костра, уничтожив громадный таз жареных бычков, ребята потешались над одним студентом-первокурсником, сделавшим сегодня сенсационное открытие. Он впервые участвовал в раскопках, был весьма романтичным; и легко представить его потрясение, когда уже после нескольких взмахов лопаты из земли вдруг показался краешек документа. Да какого! Не на папирусе, а на самой настоящей бумаге.

Он примчался ко мне, руки у него тряслись, все лицо было в красных пятнах попеременно с грязью, и, заикаясь от волнения, доложил о своей находке.

Я уже знал, чем это кончится, и весьма спокойно выслушал сообщение о древнем документе, отпечатанном на бумаге типографским способом.

— Продолжай его раскапывать сам, — предложил я.

— Сам?

— Конечно, я тебе доверяю.

Больше он ко мне не прибежал, а за обедом старался не показываться на глаза. Но я все-таки спросил его:

— Так что же ты нашел? Как раскопки?

— Газету «Советская Россия», — угрюмо ответил он.

— Свежую? — невинно поинтересовался кто-то из ребят.

— Прошлогодною. Кто-то разыграл.

— Да никто тебя не разыгрывал, — утешал его Алик. — Просто полагается, закончив раскопки, положить в шурф какую-нибудь газету для приметы, что здесь уже работали. Так и сделали. Так что не огорчайся, и со мной это когда-то было.

Но через три дня нам посчастливилось сделать действительно выдающуюся находку. Мы раскопали ту самую темницу, в которой томился Уранид!

Это была глубокая, метра в три яма, облицованная неотесанными камнями. Крыша темницы обвалилась во время пожара под тяжестью рухнувшей на нее кровли храма.

Вы понимаете, с каким трепетом я раскапывал эту древнюю тюрьму, где кончил свои дни Сын Неба. Да, он погиб именно здесь, сомнений теперь не было!

Мы нашли два скелета. Один лежал у самого порога, все еще сжимая в давно истлевшем кулаке рукоять заржавленного меча. Другой скелет лежал в углу — и вокруг него

все еще змеей обвивалась прочная, тяжелая цепь, приковавшая его к стене.

Это был, несомненно, Сын Неба. Но чьи же останки мы нашли в пещере? Значит, проволока не имеет к Ураниду никакого отношения?

Какая драма разыгралась в этом подземелье в ту далекую ночь, когда город погибал в пламени и по улицам его мчались воинственные скифы? Кто же был этот загадочный Сын Неба?

Узнаем ли мы когда-нибудь это?

Я терялся в догадках и хотел уже поскорее рассказать об этой находке Михаилу в подробном письме. И вдруг от него пришла странная, непонятная телеграмма-«молния»:

«Вылетай немедленно Москву мне снятся поразительные сны, вылетай немедленно!..»

3

Разговор по телефону

— Москва? Званцев? С вами будут говорить...

— Алло! Мишка? Слушай, брось ты свои идиотские шуточки! Какие сны тебе снятся?

— Здравствуй, старик! Я думал, что ты уже летишь в Москву...

— Можешь ты мне объяснить толком, зачем я тебе нужен?

— Ну вот... Опять ругань вместо благодарности...

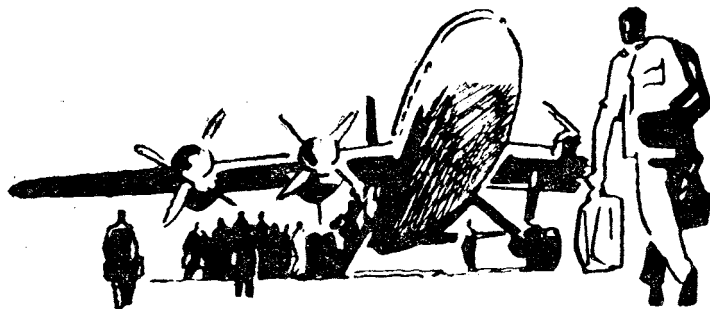
— Не паясничай, и так ты мне угробил целый день. В чем дело?

— Бросай свои лопаты и клизмочки и мчись в Москву. Поздравляю с величайшим открытием в истории человечества!

— Слушай, я бросаю трубку!

— Стой, стой, не кипятись. Ты оказался гениально прав, старик! Он действительно прилетел, Сын Неба. И записал на проволоке свой отчет о том, что видел. Понимаешь?

— Как записал?

— Прочитать тебе лекцию? Но это дорого обойдется по телефону. Прилетай сюда и все увидишь собственными глазами. Понимаешь: увидишь сам своих древних греков!

— Брось меня разыгрывать!

— Я не шучу. Колоссальное открытие. По буквам: ку-мир, осел, летает, Ольга, сапоги, сорока...

— Разъединяю, ваше время истекло.

— Вылетай немедленно!

4

Рассказывает Алексей Снорчинский

Неужели это возможно?

Неужели мы и впрямь случайно наткнулись на след посещения нашей планеты гостями из космоса?!

И хотя я интуитивно ждал, что разгадку Сына Неба принесет именно эта проволока, найденная нами в пещере, все равно рассказ Михаила о его сложных опытах и неожиданном открытии совершенно ошарашил меня.

Моток проволоки лежал на белом лабораторном столе, и я не мог отвести от него глаз. Неужели на этой тонкой металлической нити в самом деле записан отчет о том, что увидел Сын Неба, игрой судьбы заброшенный две тысячи лет назад в маленький греческий городок на берегах Крыма? И неужели я сейчас сам загляну в тот далекий мир, увижу все его глазами?!

Мне не терпелось увидеть, и я плохо слушал объяснения Михаила о всей технике расшифровки видеозаписи на проволоке, о том, как он подбирал наилучший режим, какие использовал приборы, — но он против обыкновения, кажется, не обиделся на мое невнимание. Потом начал клясть себя, что во время экспериментов над проволокой размагнитил часть записи.

— И какую часть! Самое начало! Там, вероятно, было зафиксировано приземление космического корабля. А теперь мы не узнаем, как это произошло. И черт меня дернул проверять ее электропроводность!

— Ладно, теперь этого уже не поправишь. Показывай скорее, что есть! — взмолился я.

Но он словно нарочно взялся томить меня и решил обставить просмотр магнитной записи не менее таинственно и торжественно, чем жрец свои пророчества в храме Асклепия. Усадил меня в глубокое кресло в лаборатории перед овальным экраном, велел откинуться свободно на спинку, расслабить мышцы и ни о чем не думать.

— Просто смотри, какие картины станут возникать. И поминай все детали, чтобы подробнее потом записать.

Затем он притушил огни в комнате, оставив только слабую лампочку возле приборов, с которыми страшно томильно и долго возился, что-то настраивая.

— Да скоро ты? — взмолился я и тут же замолк на полуслове, потому что увидел то, что произошло на крымской земле две тысячи лет назад...

Изображение было расплывчатым, смутным, нерезким, словно снимок, сделанный неопытным фотографом, без всякой наводки на резкость. Порой оно совсем пропадало, потом появлялось вновь. Но мой наметанный глаз археолога допоянял отсутствующие детали, многое просто угадывал.

Передо мной, несомненно, была главная городская площадь — агора, вымощенная черепками битой посуды и заполненная пестрой толпой. Особенно отчетливо был виден один угол ее, огороженный деревянными жердями, — вероятно, специально для торговли рабами, как упоминалось в некоторых источниках.

У подножия мраморного изваяния, на пьедестале которого написано: «Народ поставил статую Агасикла, сына Ктесии, предложившего декрет о гарнизоне и устроившего его...», в полном безразличии и отупении прилегла на камни морщинистая старуха, похожая на комок грязных тряпок. Рядом с ней, скванные цепями по рукам и ногам, лежат два скифа: один с рыжей косичкой, торчащей из-под рваной остроконечной кожаной шапки, и в куртке из грубо выделанных бараньих шкур, другой почти совсем голый, со взлохмаченной головой...

...Тенистый мраморный портик какого-то, видимо, общественного здания. Сидя за низеньким столом, заваленным свитками папируса, три пожилых грека внимательно, но довольно равнодушно наблюдают, как плечистый, обнаженный до пояса палач с бритой головой привязывает к большому пыточному колесу перепуганного раба, еще совсем подростка.

Все это в каком-то странном ракурсе — словно увидено глазами человека, сидящего на корточках.

...Ночь. По уснувшему морю медленно и бесшумно скользит небольшая лодка. На носу ее укреплена выступающая далеко вперед длинная палка с факелом на конце. Пламя отражается в черной воде, роняет в нее шипящие искры, выхватывает из темноты нависшие над морем скалы.

На носу лодки стоит юноша в набедренной повязке, с трезубцем в занесенной над головой руке и всматривается в воду при неверном свете факела...

Картины давно отшумевшей жизни возникали перед моими глазами. Они были отрывочными, бессвязными: промелькнет — и пропала. Так любознательный турист, попав в незнакомый город, бесцельно щелкает направо и налево своим неразлучным фотоаппаратом, не давая ему ни отдыха, ни покоя. Поэтому и пересказать эти коротенькие уличные сценки, пестрый калейдоскоп промелькнувших лиц горожан, воинов, любопытных женщин, чумазных ребятишек — связно пересказать все это просто невозможно. К тому же, как я уже говорил, изображения порой были очень смутными, едва видимыми, да вдобавок меня еще сбивали с толку неожиданные ракурсы.

То промелькнет мальчик, повисший на уздечке упрямого ишака и тщетно пытающийся сдвинуть его с места... То запыхавшийся, с побледневшим от напряжения лицом, тяжело дышащий атлет. Он очищает со щеки стригалем,

похожим на серп, приставшую грязь, а вдали виднеется ку-сочек стадиона...

На покато́й каменной площадке с желобками рабы давят босыми ногами виноград. Один из них так приплясывает, что брызги разлетаются далеко во все стороны.

А на соседней площадке применена уже примитивная «механизация», видимо заинтересовавшая небесного гостя. Тут виноград давят под прессом, накладывая на него каменные плиты — тарпаны. Сверху ягоды накрывают доской и прижимают ее длинным рычагом, на конце которого, болтая ногами, повисают два рослых раба.

Сын Неба заглянул в литейную мастерскую — и вот перед нами мастер в кожаном фартуке, прикрывая ладонью глаза от пламени, осторожно сливает в форму расплавленную, пышущую жаром бронзу...

А вот гончар формирует на деревянном вращающемся круге, который устало крутит худенький мальчик, остродонную амфору.

Мы видим, как взрослые, устроившись в тени большой сосны, азартно играют в некое подобие шашек, передвигая по разлинованной доске круглые костяные пластинки. А рядом, тут же, маленькие мальчик и девочка усаживают глиняную куклу в крошечную повозочку с непомерно большими колесами.

Возникают на миг уличные музыканты: подросток, надув щеки, старательно наигрывает на свирели — сиринге, а бо-сая девочка приплясывает, ударяя в тамбурин...

Кладбище на склоне горы за городом. Молодая женщина, прикрыв лицо краем белого траурного пеплоса, плачет возле мраморной плиты.

Кусок городской стены. Из сторожки возле ворот выглядывает воин с курчавой рыжеватой бородой, а на стене видна надпись, звучащая в переводе вдруг комически современно: «По решению городского совета запрещается здесь сваливать навоз и пасти коз...» Конец надписи, к сожалению, не виден.

Снова шумный рынок на городской агоре. Бросается в глаза, что на нем почти нет женщин. Торгуют и покупают одни мужчины.

Все интересует космического гостя: он пристально рассматривает рыб, жадно разевающих рты и подпрыгивающих на мокром гранитном прилавке. Мелькают изображения чаек, гусей, уток, различных растений...

Из этих бессвязных сценок, словно из кусочков мозаики, возникает бесценная живая картина будничной жизни древнегреческого города, которую до сих пор археологам приходилось с громадным трудом воссоздавать по случайным находкам и разрозненным черепкам битой посуды. Как много дает это науке!

Увидели мы и своими глазами жреца, чья рукопись доставила нам столько хлопот. Ему уже, пожалуй, за шестьдесят. Гладко выбритая голова, одутловатое морщинистое лицо и очень зоркие, цепкие черные глаза.

На нем простой серый гиматий, наброшенный поверх белоснежного хитона. На ногах сандалии из темной кожи. Двигается он плавно, величественно, движения медлительны, но порой резкий поворот головы и острый прищур глаз выдают незаурядную волю и энергию, спрятанные до поры до времени, словно в сжатой пружине.

Жрец готовится к гаданию по кольцу. Для этого применяется, оказывается, довольно сложное сооружение. На невысоком металлическом треножнике укреплена квадратная бронзовая плитка в виде равностороннего треугольника, украшенная фигурами богов и какими-то загадочными значками, видимо имевшими магическое значение. Из центра треугольника торчит стержень с круглым вертящимся диском из какого-то тусклого металла. Диск расчерчен на секторы с буквами греческого алфавита. Откуда-то сверху на тонкой нити свисает тяжелое дутое кольцо, видимо золотое.

Все было обставлено весьма торжественно. Кольцо висело, словно дамоклов меч, пламя двух светильников, установленных на высоких канделябрах, сумрачно отражалось на бронзе...

Снова замелькали, словно кадры кинохроники, отрывочные картины: полуголые рабы, надрываясь, подтаскивают к какому-то зданию, строящемуся на агоре, тяжеленные глыбы камня. Неосторожное движение — и камень валится набок, прямо на ногу одного из рабов.

Как уже упоминалось, мелькавшие на экране люди были неподвижными, застывшими, словно на примитивной фотографии. Но они были «схвачены» в такой момент, что каждый кадр становился полон жизни и экспрессии. Воображение дополняло то, что видел глаз, и, рассказывая о возникших картинах, все время невольно употребляешь глаголы: **движутся, плывут, вонзаются**, — даже как будто начинаешь слышать давно отзвучавшие голоса.

...По дороге в туче пыли медленно катится странная телега с громадными колесами, запряженная быком...

В гавань входит триера. Словно живые машины, рабы монотонно раскачиваются на широких скамьях, мерно взмахивая тяжелыми веслами...

Два стратега обходят фронт тяжеловооруженных гоплитов во дворе крепости. Солнце жарко пылает на железных панцирях, слепит глаза, отражаясь от шлемов. Шлемы у воинов различной формы: у одних они закрывают все лицо скуластыми нащечниками, только в узкие прорези сверкают глаза. У других нащечники подвижные, они сейчас откинута, позволяя рассмотреть раскрасневшиеся, потные лица и торчащие из-под шлемов бороды.

Щиты у гоплитов тоже неодинаковой формы — то овальные, то круглые, и обиты они у кого листовой жстью, а у кого просто бычьей кожей. У каждого воина длинное, до двух метров, деревянное копьё с железным наконечником, меч на перевязи, перекинутой через правое плечо, ноги закрыты до колен бронзовыми поножами. Судя по довольно

унылому виду воинов и их усталым, разморенным жаром лицам, нелегко, должно быть, таскать на себе всю эту массу металла. Но гошлиты предназначены для ближнего оборонительного боя, им не придется много ходить. Они будут стоять стеной, оцетинившись против вражеской конницы остриями копий.

На агоре раздают добровольцам более легкое оружие: дротики, луки со стрелами, небольшие щиты — пельты. У этих более подвижных воинов — пельтастов и панцири уже не металлические, а кожаные или даже просто из грубой холстины.

Видимо, идет подготовка к бою с таврами, о котором упоминается в рукописи жреца.

Всадники подтягивают подруги коней, дико всхриplyваящих и встающих на дыбы. На крепостных стенах устанавливают возле бойниц катапульты для метания тяжелых дротиков и неуклюжие онагры — они станут обрушивать на головы нападающих каменные ядра, вытесанные из известняка, или просто булыжники. У каждого орудия уже припасена большая груда камней, а рабы подтаскивают все новые и новые.

А у ворот наготове выстроились гошлиты, прислушивают. Два воина замерли у громадного засова, запирающего ворота, чтобы распахнуть их по первому знаку. Ворота двойные, они устроены так, что между наружной и внутренней стенами получилась небольшая площадка с двумя башнями по углам. Так что неприятель, даже ворвавшись в первые, наружные, ворота, непременно застрянет перед внутренними и окажется под ударом со всех сторон.

Потом стремительно мелькает несколько сценочек сражения. Беспощаден и страшен этот бой в ночной темноте, лишь местами озаряемой неверным, колеблющимся светом факелов. Мелькают искаженные болью и гневом лица, конские морды с пеной на уздечках...

Прямо в гуцу сражающихся, не разбирая своих и чужих, падают каменные ядра и дротики, обвитые пылающей паклей...

Молодому греческому воину стрела вонзается прямо в горло, и он судорожно хватается ее руками, пытаясь вытащить, но тут же падает под ноги лошадей.

...А затем сияющий солнечный день, стадион, заполненный ликующей толпой.

Со всех сторон летят букетики ярких цветов, венки...

Видимо, это чествуют Сына Неба и жреца после победы над таврами. Вот я нахожу в толпе уже знакомое лицо жреца. А где же Уранид? Может быть, он появился и в других сценках. Но как узнать его?

Или аппарат для записи был всегда с ним, и мы так и не увидим, как выглядел сам небесный гость: ведь мы смотрим его глазами?..

По арене стадиона угрюмой толпой бредут закованные в цепи пленники.

Впереди гоплиты гонят высокого лохматого юношу тавра, упираясь острыми копьями в спину. Он в порванной одежде из волчьих шкур, отороченных белым мехом: видимо, тот самый сын вождя племени, угодивший в плен, о котором упоминалось в рукописи жреца.

Устало шагают по цветам босые, израненные ноги пленников...

И вдруг темнота. Все оборвалось. Я не сразу понимаю, что сижу в лаборатории перед погасшим экраном.

— Ну как? — спрашивает Михаил.

— Снова. Давай все снова! — хрипло говорю я.

— Подожди, — усмехается он. — Давай сначала подведем итоги.

Я непонимающе смотрю на него.

5

Мы подводим итоги

— И как тебя угораздило размагнитить начальный кусок записи! Конечно, там были сцены прибытия космического корабля на Землю, а может, даже и какие-то картины иной планеты, с которой он прилетел.

— Кто прилетел?

— Ну, Сын Неба, Уранид.

— Какой Сын Неба?

— Слушай, Мишка, ты опять начинаешь паясничать...

— Не понимаю тебя. О чем ты говоришь? Никто ниоткуда не прилетал.

— Как?! А запись на проволоке?

— И записи никакой не было. Вот она, твоя проволока. Ничего в ней нет загадочного. Самая обычная проволока, только немножко заржавевшая в подземелье. Можешь вернуть ее в милицию...

ЗВАНЦЕВ. Я бы дорого заплатил, чтобы вы могли увидеть, каким стало Алешкино лицо в этот момент! Но словами описать этого невозможно.

— Но я же сам видел, своими глазами! — завопил он, когда снова обрел дар речи. — Что же я видел?! Опять твои idiotские штучки?

Эффект, который я так тщательно подготавливал и давно предвкушал, кажется, превзошел все мои ожидания. Я даже струхнул немного: того и гляди мой лучший друг у меня на глазах лишится рассудка. И я поспешил, несколько скомкав художественную часть, поскорее перейти к научной.

— Успокойся, успокойся, ты действительно видел древних греков! Только космические гости и записи на проволоке тут ни при чем.

— Что-о?!.

— Просто, пока ты копался в своих гробницах и подземельях, я сделал небольшое открытие, которое и продемонстрировал тебе сейчас.

— Какое?

— Ну, как тебе сказать поточнее?.. Я нашел способ воскрешать изображения, которые отпечатались на поверхности некоторых определенных предметов. Понимаешь? Ладно, не все тебе меня мучить лекциями, давай и я тебе прочту одну небольшую, совсем коротенькую, учитывая твой низкий технический уровень и болезненное состояние в данный момент...

СКОРЧИНСКИЙ. Мне очень хотелось его ударить, но Мишка увернулся, отгородился от меня широким лабораторным столом и начал оттуда торжественно вещать противным лекторским тоном:

— О так называемом эффекте остаточного намагничивания даже ты, кажется, имеешь отдаленное представление. Заключается он в том, что некоторые горные породы и строительные материалы, содержащие в себе магнетит или гематит, обладают любопытными свойствами: при сильном нагревании они приобретают под воздействием магнитного поля Земли слабую постоянную намагниченность. При последующем остывании в них как бы «замерзает» слепок магнитного поля давних исторических эпох, и специальные приборы могут восстановить его параметры...

— Ты мне еще расскажи, как этот метод палеомагнетизма применяется в археологии для установления возраста древних гончарных изделий, — перебил я его. — Хватит болтать попусту! Не вижу никакой связи между остаточной намагниченностью и твоим якобы «открытием».

— Это только лишний раз подтверждает, как слабо ты разбираешься в физике и медленно мыслишь. Что такое свет, как не особый вид электромагнитных колебаний? Магнитных — теперь улавливаешь? Помнишь, ты как-то удачно сказал: «Огонь-хранитель»? Это в тот вечер, когда расказывал у костра о гибели города. И я подумал: «В самом деле, если бы не этот древний пожар, застигший жителей так внезапно, мы бы, возможно, так ничего и не узнали бы о их давней жизни. Парадокс? Но именно огонь сохранил для нас ее следы, засыпав спасительным пеплом нарядные хрупкие вазы, резные статуэтки, обуглившийся, но не сгоревший деревянный совок».

И тут мысль заработала дальше. Нельзя ли найти и другие способы заглянуть в далекое прошлое? Занимался я, как ты знаешь, палеомагнетизмом давно, и ведь там тоже все с огнем связано! Так постепенно и додумался до этой любопытной идейки. Конечно, решена она пока весьма несовершенно, в первом приближении. Но результаты уже есть, и неплохие. И опять он помог, огонь-хранитель!

— Постой, постой! Значит, тебе удалось найти способ воскрешать остаточную намагниченность, возникшую под воздействием света?..

— И снова превращать ее в зрительные образы, — ты попал в точку. Кажется, твои мыслительные способности еще могут совершенствоваться. Суть дела достаточно проста, чтобы быть понятной даже тебе. Метод, конечно, еще

далек от совершенства: ты видел, какими нечеткими и расплывчатыми получаются изображения. Только специалист может в них как следует разобраться. Да и подходящие образцы приходится выбирать один из тысячи. Но главное сделано: удалось разработать аппаратуру, способную улавливать столь слабую намагниченность и переводить ее в зрительные образы. Скажу без ложной скромности: создание ее свидетельствует о моей несомненной гениальности, но рисовать тебе схемы и графики, подтверждающие это, бесполезно — все равно не поймешь.

Он болтал еще что-то в том же духе по своему обыкновению, но я перебил его:

— Значит, ты можешь воскресить картины любой эпохи?

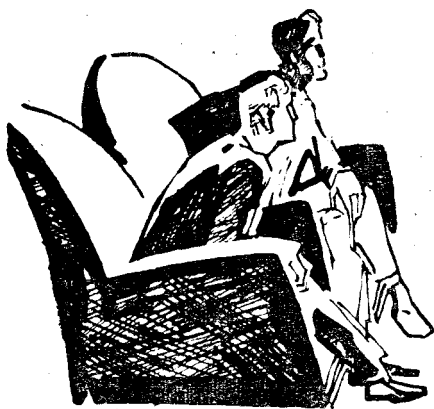
— Конечно, если только они отпечатались на подходящем материале именно в тот момент, когда он подвергался сильному нагреву. Годятся черепки из древних гончарных печей, кирпичи из стен сгоревших домов, куски вулканической лавы из более отдаленных эпох, когда еще человека на Земле не было, или, на худой конец, просто камни, опаленные ударом молнии, — но, конечно, далеко не каждый. К счастью, твои древние греки обожали по любому поводу зажигать жертвенные огни. Да и пожарищ у них сохранилось немало. Вот только ты, кротоподобный Плюшкин, дрожал над каждым черепком и кирпичиком. Теперь ты понимаешь, как мешал мне?

— Но почему же ты сразу не сказал, для чего они тебе нужны? Зачем понадобился весь этот глупый розыгрыш с космическим пришельцем и записью, якобы сделанной на проволоке?

И знаете, что он имел наглость мне ответить?

— А я решил испытать прочность и стойкость твоих убеждений. Ты тогда очень хорошо и убедительно рассуждал о невероятности прилета к нам в прошлом гостей из космоса. По существу, правильно, поскольку никаких строгих доказательств таких визитов наука не имеет и поэтому подобные

гипотезы просто курам на смех. Но я решил подвергнуть тебя небольшому искушению. И ты не устоял, поддался на удочку, забыл о мудром правиле: «Иметь взгляды — значит смотреть в оба... Шаткое, брат, у тебя мировоззрение — и все оттого, что замкнулся, как крот, в свою ар-

хеологию, не следишь за успехами других наук. Вот и веришь всяким басням, стоит только придать им видимость научности. Описал жрец какое-то «небесное знамение», а ты уже распалился: «Очень похоже на приземление космического корабля!..» Может, ты так и в реальность гремящей колесницы Ильи-пророка поверишь?

Стоило ему все-таки память бою за такую наверзку! Но я был уже увлечен перспективами, которые обещало перед археологией его открытие. Заглянуть в глубь веков и собственными глазами увидеть, каким был мир во времена древних греков, египетских фараонов, заглянуть в пещеры, где греются у костров наши первобытные предки, — кто из археологов не мечтал об этом! Может быть, увидеть

мир даже таким, каким он был на самой заре времен, еще задолго до появления на Земле человека! Чем не «машина времени»?

— Но кто же тогда был этот Сын Неба? — воскликнул я, отрываясь от своих мечтаний.

Мишка пожал плечами.

— Это уж придется выяснять тебе с помощью твоего хваленого дедуктивного метода. Во всяком случае, к небу он не имеет никакого отношения. Но все равно фигура весьма любопытная: создал оригинальный язык, мечтал объединить греков с варварами, пытался построить какую-то летательную машину вроде орнитоптера. Может, он был гениальным изобретателем и рядом с именами Пифагора, Евклида, Архимеда и Герона следует поставить и его имя... А мы даже не знаем точно, как его звали: не вписывать же его в историю техники под псевдонимом «Сын Неба», который ему дали твои греки? Это было бы забавно.

Да, Михаил прав: человек, прозванный Сыном Неба, был, несомненно, большим ученым. И борьба, которую он вел с хитрым жрецом, была вовсе не соперничеством за власть и почести. Сквозь даль веков мы стали свидетелями еще одной драматической схватки в великой древней битве между светом и тьмой, религиозными суевериями и наукой. И как жаль, что мы так мало узнали об этом замечательном человеке!..

— Слушай, — осенило меня. — А мы ведь можем его увидеть, если ты снова не разыграл меня и не выдумал всю эту историю со своим открытием.

— Ну, уж подобного выпада...

— Ладно, ладно, не ершись! Я же тебе говорил, что раскопал темницу, в которой томился Уранид и, видимо, погиб в ту ночь, когда город спалили напавшие скифы. Мы нашли там два скелета, заваленных обломками обгоревшей кровли.

— Все ясно! — закричал Мишка. — Где они, эти обгорелые кирпичи?

И вот мы увидели...

...Тесное, сырое подzemелье сумрачно освещено светом чадного факела. Пламя колеблется, вздрагивает, и по каменным стенам мечутся тревожные тени.

Человек, прикованный цепью к стене, настороженно смотрит на тех, кто вошел к нему в темницу с факелом. Да, это обыкновенный человек, и в нем нет ничего небесного: он в грязных лохмотьях, у него усталое, изможденное лицо, глаза, глубоко запавшие под громадным лбом, кажутся бездонными. Лицо не греческое — скорее это выходец из Малой Азии или откуда-то с Северного Кавказа.

Но лучше рассмотреть его некогда. Заслоня на миг свет факела, который кто-то, не видимый нам, держит за его спиной, вперед выступает жрец. Он, видимо, что-то отрывисто говорит пленнику. (Если бы мы научились и слышать

сквозь даль веков!) Уранид качает головой. Тогда жрец замахивается на него коротким мечом...

И в тот же миг все исчезает во тьме под обрушившейся пылающей кровлей...

— Ну и гад этот жрец! Даже в такой момент пытался уничтожить соперника, — мрачно комментирует Мишка. — И попал в ловушку, подделом ему! А Уранида жалко...

Потом мы долго молчим, потрясенные этой мимолетной сценой трагедии, разыгравшейся двадцать веков назад и теперь благодаря чудесной власти науки вдруг снова воскресшей перед нами.

Мы молчим и думаем об одном... Как разузнать побольше о судьбе земного Сына Неба? Какие новые сцены удастся нам воскресить с помощью замечательного открытия Михаила?

И сколько еще новых удивительных открытий ожидает нас в загадочной глубине веков!...

Очень, конечно, приятно, когда тебя считают молодым... Но, несмотря на молодость, с журналом «Вокруг света» и его «Искателем» меня связывает давняя и крепкая дружба. Из этой редакции я когда-то отправлялся в увлекательные поездки по стране с удостоверением спецкора, здесь напечатана моя первая научно-фантастическая повесть «Золотая медаль Атлантиды». С тех пор написано уже несколько книг — и в появлении каждой из них чем-то помогла «вокруг-световская» школа.

Постараюсь и дальше не подводить старых друзей.

Голубев